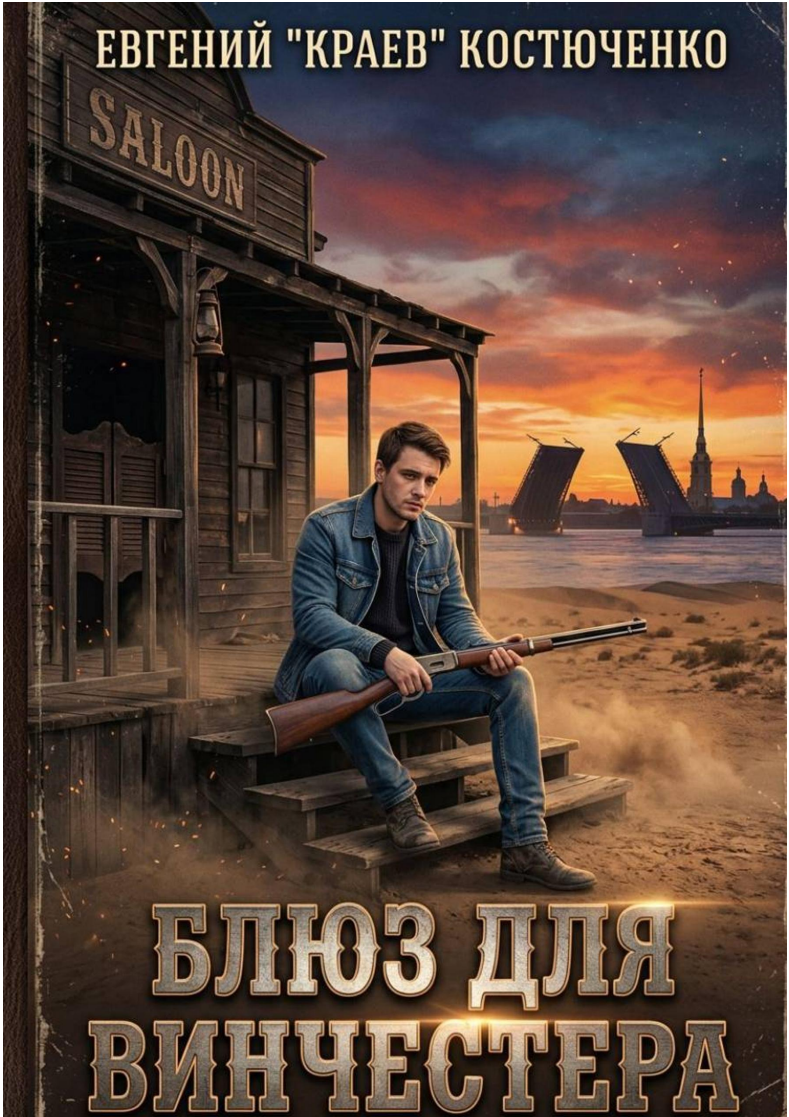
ЕВГЕНИЙ "КРАЕВ" КОСТЮЧЕНКО
SALOON
БЛЮЗ ДЛЯ ВИНЧЕСТЕРА

Евгений Костюченко

Блюз для винчестера

https://litres.ru/74728363
SelfPub; 2026

Аннотация

Степан Гончар многое успел повидать в своей жизни и не ждал от нее особых сюрпризов. Но на то, что обычная поездка по шоссе может закончиться в американских прериях образца 1876 года, он никак не рассчитывал...

И вот он на Диком Западе. Здесь никому нет дела до твоего прошлого. И это хорошо, потому что прошлого у Степана нет. Оно осталось в будущем.

Содержание

БЛЮЗ ДЛЯ ВИНЧЕСТЕРА 4
вестерн 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 5
1. Полеты в тумане 5
2.В Небраске тоже люди живут 20
3. Первый выстрел 42
4. Тризна 55
5. По ту сторону времени 67
6. Краткий курс истории 81
7. Карты, деньги и стволы в углу 91
8. Полчаса молитвы, пять минут стрельбы 100
9. Подробности – не для песен 110
10. Человек из Ущелья Туманов 121
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Евгений "Краев" Костюченко
Блюз для винчестера

БЛЮЗ ДЛЯ ВИНЧЕСТЕРА

вестерн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Полеты в тумане

Степан Гончар любил водить машину ночью. Наверно, потому что днем он всегда был занят работой. С утра до позднего вечера бесконечные звонки, факсы, переговоры. Если надо было слетать из офиса в порт, то его возили на разъездном «паджеро», а он в это время, трясясь на заднем сиденье, сверял бумаги или продолжал телефонные переговоры.

Степан работал в отделе международных перевозок крупной транспортной компании. Ему нравилось дело, которым он занимался. Нравилось, что в этом деле он все понимал и всегда добивался результата. Он мог часами дозваниваться до нужного абонента, чтобы потом, в двухминутном разговоре, убедить его подписать контракт с шестизначными цифрами. А еще он мог, сопровождая контейнеры, договариваться с грузчиками в любом порту от Новороссийска до Нью-Йорка и Вальпараисо. И клерки, и докеры принимали его за своего, и это нравилось Степану.

Но больше всего ему нравилось то, что, приходя на работу, он каждый день словно оказывался на пороге всего мира. Огромная карта двух полушарий на стене офиса была ис-

пещрена флажками, отмечавшими места, где побывали работники компании. Несколько таких флажков воткнул сам Степан, возвращаясь из командировок. И глядя, как много еще свободного места на карте, он надеялся, что работа подарит ему не один новый маршрут.

В глазах начальства Степан Гончар был ценным кадром – молодой, но опытный специалист, одинокий, легкий на подъем. Наверно, опасаясь его потерять, шеф убедил Степана взять ссуду в фирме и купить квартиру. Шефу Гончар уступил. Но категорически отверг попытки сослуживцев задарить его мебелью. Вся обстановка его квартиры состояла из компьютера, дивана, холодильника и пары дорожных сумок, всегда готовых к путешествию.

А в углу стоял сейф с охотничьим карабином. И сейф, и карабин Гончару пришлось купить, подчиняясь уговорам шефа. Тот был заядлым охотником, и почти всех своих сотрудников втянул в команду. Впрочем, их объединяла не только эта страсть. Со многими из них шеф когда-то служил ещё в Афганистане, а вместе с Гончаром, например, выходил, в числе последних десантников, из Грозного.

Сейф был отличный, и винтовка в нем хранилась превосходная. Да только ее хозяин избегал веселых вылазок. Каждый раз подворачивалось неотложное дело в интересах фирмы, а то и поездка. Не то чтобы он не любил развлечься… Да только, сняв погоны, он не желал прикасаться к оружию, даже такому. Коллеги поначалу подшучивали над ним. До тех

пор, пока шеф не проговорился как-то за столом, что лейтенанта Гончара он самолично вытянул из вертолета, готового унести с Ханкалы тела погибших. Как он понял, что Гончар жив? Науке неизвестно. Но вертолет улетел, а Степан поднялся с бетонки аэродрома сам, растерянно оглядываясь.

Любимым развлечением Степана Гончара была езда по ночному городу. Просто катиться вдоль Невы, любуясь мостами. Или подвезти красивую женщину и при этом ни взять с нее не только денег, но даже и номера телефона…

Вот и сегодня он притормозил под «американским» мостом на Обводном канале, заметив на обледеневшей дороге женскую фигурку с поднятой рукой. В таком глухом месте и днем-то пешехода не встретишь. Что здесь делает женщина зимней ночью?

Она была в короткой дубленке и джинсах, заправленных в высокие рыжие сапоги. Длинные черные волосы двумя гладкими крыльями опускались из-под ковбойской шляпы. «Иностранка», - мгновенно определил Степан Гончар. Только иностранцы могут одеваться так дорого и безвкусно.

Он остановился и, не задавая вопросов, открыл перед ней дверь. Женщина уверенно села рядом, наполняя салон ароматом незнакомых духов, и сказала:

- Эйрпорт, плиз.

- Какой аэропорт, мэм? – переспросил Степан по-английски, щегольнув своим произношением. – Международный

или внутренний? Какой рейс вы встречаете?

Она была без вещей, поэтому он и решил, что она никуда не летит. А зачем, в таком случае, ей нужен аэропорт? Кого-то встречает, конечно.

- Я не встречаю. Я должна проводить человека, - ответила она. – Поехали, у нас мало времени.

Степан пожал плечами. Уточнить маршрут можно будет и позже, подъезжая к повороту на Пулково-2. К чему лишние разговоры? Ясно одно - сегодня он попадет домой на час позже.

Он подкрутил настройку радиоприемника, потому что зазвучал его любимый Эрик Клэптон, “I Shot A Sheriff”. [1]

- Не слишком громко?

- О’кей, - иностранка благосклонно кивнула.

- Не могу определить стиль этой песни. По ритму – рэгги. А по сути – натуральный блюз.

- В чем, по-вашему, суть блюза?

- Ну, есть же классическое определение. Блюз – это песня о том, что хорошему человеку плохо. Хороший человек подстрелил шерифа, и честно в этом признается. Но он не убивал помощника шерифа, а ему и это вешают. Он клянется, что стрелял исключительно в целях самозащиты, но судьи его и слушать не хотят. Есть от чего загрустить. Натуральный блюз.

- Любите блюз?

---

[1] «Я застрелил шерифа» (англ.)

- Кто ж его не любит. Хотя… - Гончар пожал плечами. – У меня нет ни одного знакомого, кто тоже любил бы блюз.

- Я люблю.

- Ну вот, теперь у меня есть такой знакомый, - сказал Степан.

Он подумал, что после такой реплики было бы естественно познакомиться. Но такое продолжение стало бы вопиющим нарушением его традиций. Впрочем, иностранка никак не отреагировала на последнюю фразу и молча смотрела перед собой.

Обычно в это время Пулковское шоссе бывает загружено едва ли не меньше, чем днем. Но сегодня, свернув с кольца вокруг площади Победы, Степан оказался в одиночестве. Не было ни череды слепящих фар на встречной полосе, ни красной гирлянды габаритов и стоп-сигналов впереди. Только желтый огонек светофора мигал ему издалека сквозь ночной туман. Гончар поддался искушению и вдавил педаль газа в пол.

Если дорога свободна, значит, надо прибавить скорость. А если мешает туман, значит, надо ехать еще быстрее, чтобы в тебя никто не врезался сзади.

Возможно, с его рассуждениями не согласился бы не только работник ГАИ, но и любой здравомыслящий водитель. Но Степана не волновало их мнение. Его волновала скорость и неизвестность. Уж так он был устроен.

И к «здравомыслящим» он себя не относил. Иначе не стал

бы браться за такие командировки, куда обычно посылали только в виде наказания. С его положением в фирме он спокойно мог бы раз в год летать в Штаты или Европу. Но Степан предпочитал сложные маршруты. Например, в Бангладеш через Иран, на трех видах транспорта. Вот это была командировка!

- Вы едете слишком быстро, - вдруг сказала женщина. – Зимний туман очень опасен. Дорога скользкая. И вы не можете видеть, что у вас впереди.

- Я знаю, что у нас впереди, - ответил Степан, понемногу сбрасывая скорость.

- Никто не знает, - печально проговорила иностранка.

- У меня впереди пост ГАИ. А у вас впереди – встреча и расставание. Кстати, если вы проводите своего человека достаточно быстро, я могу подождать вас и отвезти обратно. О'кей?

- Вы очень любезны.

- Просто у меня есть свободное время. Вы из Америки?

- Да.

- Отличная страна, - сказал Гончар, чтобы польстить попутчице. – Я был в Нью-Йорке, Бостоне, Сиэтле. Я люблю Америку.

- За что? Что вам так нравится в Америке?

- Скорость, - подумав, ответил Гончар. - Американцы все делают очень быстро. Второе – там всегда тепло и чисто. Третье – все вокруг улыбаются.

- Я ждала другого ответа. А как насчет свободы, демократии? Как насчет Голливуда, Бродвея, Вегаса?

- Это тоже хорошие штуки, демократия и Бродвей. Но они не касаются моей работы. Для меня главное - работа. В Штатах легко работать и удобно жить. Все делается быстро и четко. Мне это нравится.

- Работа – это еще не все. Разве человек создан для того, чтобы работать?

- Именно так, - уверенно ответил Степан. – Потому что никто, кроме человека, работать не может. Ни дельфины, ни обезьяны, никто. Работает только человек. И если он хорошо работает, то и живет хорошо.

- Дельфины и обезьяны живут хуже людей?

- Не знаю. Никогда не жил с обезьянами.

- О'кей, - женщина рассмеялась. – Считается, что лучше всех живут миллионеры. Разве они работают лучше всех?

- Не знаю. С миллионерами я жил еще меньше, чем с обезьянами. Но вот что я вам скажу, мэм. В Америке, конечно, много богатых бездельников. Но самые первые миллионеры, я уверен, и в самом деле работали лучше всех. У вас там были совсем другие правила игры, не такие, как в Европе или в России. Надо было только иметь голову на плечах и какой-то начальный капитал. В те времена никто не мешал человеку разбогатеть.

- Никто, - согласилась американка. – Кроме других людей, которые тоже хотели разбогатеть.

- Ну, от таких было чисто американское средство, – сказал Степан. – Называется «кольт».

Туман сгустился так, что лучи фар не пробивали молочно-белую стену.

- Остановите здесь, - попросила женщина.

Степан удивился, но ничего не спросил. Он сбросил скорость, свернул в правый ряд и остановился, когда под колесами захрустел гравий обочины.

- Вы можете мне помочь, - сказала она.

- Конечно, - ответил Степан.

До него не сразу дошло, что она и не спрашивала его. В ее словах звучала простая констатация факта. Он может помочь ей.

- Нам надо выйти из машины, - она посмотрела ему в глаза.

Степан заглушил мотор.

- Надо – выйдем. А мы не опоздаем в аэропорт?

- Не опоздаем, - сказала женщина. – У нас еще много времени.

- Десять минут назад его было мало, - напомнил Степан, задержавшись перед открытой дверью. – Что-то изменилось?

- Разве вы не заметили? – улыбнулась иностранка, и он удивился ее красоте.

Куда же он смотрел все это время? Почему он до сих пор не разглядел этих глаз, этих высоких скул и этих по-детски свежих губ?

Посмеиваясь и качая головой, он достал фонарик, выбрался на дорогу и обошел машину, чтобы открыть дверь для пассажирки.

Выйдя, она поправила шляпу и осмотрелась. Степану показалось, что она видит в тумане гораздо больше, чем он. Женщина кивнула и вытянула руку:

- Нам сюда.

Она уверенно пошла впереди, и Степан двинулся за ней.

Плотный холодный туман окутал его. Отойдя на пять шагов от машины и оглянувшись, Степан едва смог различить ее задние огни. Они тускло светились, как два тлеющих уголька в толще золы.

- Не идите так быстро, - сказал он, пытаясь разглядеть в тумане женщину. – Мы можем потерять друг друга.

- Мы найдем друг друга, - прозвучал ее голос.

По лицу хлестнула ветка дерева, и Степан остановился, поняв, что сошел с обочины. Женщины здесь не оказалось, и в желтом луче слабого фонарика колыхались клочья густого тумана. Гончар повернул вправо, но под ногами вместо твердого асфальта продолжали хрустеть ветки.

Ему стало смешно. Заблудился на шоссе. В десятке шагов от машины. Да еще с красоткой. Которая, кажется, тоже заблудилась.

- Мэм, встречаемся у машины! – позвал Степан.

Не дождавшись ответа, он развернулся и решительно зашагал обратно. Длинная разлапистая ветка со свистом

скользнула по кожаной куртке.

«Никогда не замечал, что здесь столько деревьев», - удивился Степан. Он отвел ветку от лица и в следующий миг почувствовал, что нога повисла над пустотой.

Яма? Люк открытый? Кювет? Не удержавшись, он сорвался вперед. В пустоту. Ветка выскользнула из руки, больно расцарапав ладонь, и Степан Гончар покатился вниз…

Наверно, он на какое-то время потерял сознание. Голова еще гудела после удара, и почему-то кругом был рыхлый снег. Откуда здесь столько снега? Он не мог вспомнить, как оказался в этом сугробе. Встав и ощупав себя, Степан огорчился. Пропали часы. Это было непонятно. Потеря бумажника была легко объяснима – он просто вывалился из кармана во время падения. Но как Степан мог потерять свои часы? Швейцарский браслет не расстегивается сам собой. Получается, он был не совсем швейцарским. Обидно.

Туман понемногу рассеялся, и Гончар видел в темноте перед собой крутой склон, покрытый редкими искривленными деревцами, между которыми белели полосы снега. Где-то вверху расплывалось и подрагивало пятно света. Хватаясь за гибкие стволы, Степан пробирался наверх, оглядываясь и ощупывая склон перед собой. Где-то впереди, в вышине за туманом, послышался женский голос.

- Одну минуту, мэм! – крикнул Степан. – Я уже возвращаюсь! Подождите минуту!

Не обнаружив по пути ни часов, ни бумажника, он думал

только о том, как ему теперь довезти американку до аэропорта, не имея документов на машину. Потеря денег и «омеги» была не страшна. На обратном пути он еще раз, с фонариком, обследует это заколдованное место. Но что делать, если его тормознут гаишники?

«Договоримся как-нибудь, - решил Гончар. – Я трезвый, в бардачке лежит пропуск в порт и другие бумажки. Гаишники тоже люди. Пуштунские заставы меня пропускали, неужто я с русскими не договорюсь? Да и с чего бы им меня останавливать? Довезу пассажира, потом разберемся. Эх, да с документами любой доедет, а ты попробуй вот так».

Повеселев, он быстрее зашагал вверх. Из-под ног вылетали камешки, и катились, громко цокая по заледеневшему склону. Степану пришло в голову, что камни, судя по звукам, улетали слишком далеко. Похоже, что ему еще повезло, когда он застрял в том сугробе.

- Эй, кто там? – послышался сверху голос американки.

- Это я, мэм! Подождите минутку, не бойтесь!

Наконец, он выбрался на обочину шоссе. В тумане казалось, что сразу за обочиной стоит непроницаемая черная стена. Световое пятно, к которому так стремился Гончар, оказалось вовсе не лучами фар. Источник света находился на уровне земли, и Степан не сразу понял, что это был небольшой костер.

Справа послышался странный звук. Словно фыркнула лошадь. Цок-цок – ударили подковы, будто лошадь переступи-

ла на месте. Скрипнули, проворачиваясь, деревянные колеса.

«Куда я вышел? - недоуменно оглядывался Степан. – Какая-то конюшня? Колхоз? Кажется, при Пулковской обсерватории есть подсобное хозяйство. Но как меня занесло в обсерваторию?»

- Вот он, стоит впереди! – раздался высокий мужской голос.

«Еще иностранец появился», - подумал Степан, потому что мужчина говорил по-английски.

- Эй, ты! Положи оружие на землю! – скомандовал иностранец. – А потом медленно подходи!

- У меня нет оружия! – сердито ответил Степан и пошел на голос.

- Я сказал «медленно»! – закричал мужчина, и его голос сорвался на визг. – Стой! Один шаг, и ты покойник!

- О кей, сэр, - миролюбиво произнес Гончар, принимая нелепую игру, и даже на всякий случай поднял руки.

- Подходи медленно!

От костра тянуло запахом подгоревшего хлеба.

В неверных отблесках огня сверкнули глаза и оскаленные зубы черной лошади. За ней стояла другая лошадь, светлая, положив свою голову на круп черной. Дальше виднелись очертания высокого фургона.

«Что за цирк-шапито?» - подумал Степан. Он остановился у огня, оглядываясь. Людей не было видно. Но из темноты

прозвучал властный голос иностранца:

- Эй, ты! Что тебе надо?

Гончар разозлился и, забыв о присутствии женщины, от всей души послал незнакомца туда, куда обычно направлял слишком несговорчивых грузчиков.

В ответ раздался громкий металлический щелчок. Степан понял, что с ним не шутят. Он успел инстинктивно пригнуться, и тут же из темноты вырвалась оранжевая вспышка. Жесткий порыв ветра взъерошил волосы на голове Степана. Неведомая сила заставила его вмиг повернуться и сломя голову кинуться прочь от этого костра. За спиной ударил еще один выстрел. Степан бежал, не чувствуя ног под собой, и ветки хлестали по его щекам.

Но снег под ногами становился все глубже, и в конце концов Гончар провалился в него по пояс. Он замер, прислушиваясь.

Никто не гнался за ним.

В вышине просвистел ветер, и голые ветки деревьев выбили барабанную дробь.

Степан с трудом развернулся в снегу и побрел обратно по глубокой тропе, которую сам же и пробил в сугробах.

Тучи над головой раздвинулись, и лесную поляну залил холодный лунный свет. Степан хорошо видел свои следы и смог выбраться по ним на твердую дорогу. Отряхнувшись от снега, он огляделся.

Черные ели в эполетах снега окружали его со всех сторон.

Гончар зашагал по накатанной узкой дороге. Она вела вверх, и подъем становился все круче.

«Куда я попал?» - думал Степан, непрерывно оглядываясь. Все вокруг было совершенно незнакомым, и даже воздух казался чужим. Но больше всего его удивляла темнота. В небе отчетливо виднелись мириады звезд, и горизонт над черными макушками леса был таким же густо-синим и прозрачным, как небо над головой. Куда же подевалось городское зарево?

Легкий морозец пощипывал уши, и Гончар поднял капюшон кожаной куртки.

Дорога круто сворачивала вверх по склону, и Степан остановился на повороте. Отсюда ему было видно необъятное черное пространство – и ни одного огонька до самого горизонта. Внизу простирался бесконечный лес.

Он протер глаза, пытаясь избавиться от наваждения. Но картина не изменилась. Черный лес под ногами и черное небо над головой. Вот где-то внизу высветились отблески костра – наверно, там греются те, кто стрелял в Степана.

- По крайней мере, ясно, куда идти, - сказал себе Гончар, и странно было слышать собственный голос в этой морозной тишине. – Внизу я уже был. Там ничего хорошего. Значит, надо идти вверх.

Он посмотрел на звезды и увидел ковш Большой Медведицы.

- Замечательно! Я могу определить направление на север,

- громко сказал Степан. – Ну, и что с того? Какая теперь разница, где север, а где юг? Вот дорога, по ней и пойдем. Все равно делать больше нечего.

Степан Гончар не привык забивать голову бессмысленными вопросами. Каким образом он оказался здесь, в этом лесу? Куда ведет дорога? Кто был придурок, что стрелял в него? Нет никакого смысла гадать.

Не останавливаясь, он проверил карманы. Носовой платок. Складной нож. И все, больше ничего не осталось. Куда-то пропали и мобильный телефон, и записная книжка.… Пропали и деньги, вместе с кошельком.

- В следующий раз, выходя из тачки, возьму с собой спички и запас продуктов, - громко пообещал Степан.

А будет ли он, следующий раз? Отбросив очередной бессмысленный вопрос, Степан Гончар шагал по дороге, гулко топая по мерзлой земле.

2.В Небраске тоже люди живут

Дорога петляла, ведя все выше по склону, а потом вдруг, после очередного поворота, пошла под уклон. Теперь идти было легче. К тому же скоро Степан увидел впереди пламя далекого костра.

На этот раз он был осторожнее. Когда до костра оставалось метров сто, Степан остановился. Неизвестно, что за люди греются там, у придорожного огня. Может быть, благоразумнее будет прокрасться мимо них и шагать себе дальше?

Нет, кто бы там ни сидел, это все-таки люди.

Костер вдруг стал ярче и выше – наверно, подбросили дров. В его свете блеснуло окно. Поначалу Гончару показалось, что это окно автобуса или прицепа-трейлера. Темнота снова сгустилась, но он успел осознать, что у дороги стоит не автомобиль, а какая-то высокая повозка. Карета? Нет, скорее фургон или дилижанс. Степан даже успел разглядеть, что на крыше повозки приторочены тюки и ящики.

В светлом пятне мелькнули тени, раздался звон упавшей металлической посуды, а потом послышалась ругань. Гончар не смог разобрать ни слова, но догадался, что это именно ругань, и более того – американская ругань.

«Везет мне сегодня на штатников», - подумал Степан. Он зашагал дальше, сунув руки в карманы и беспечно насвистывая, чтобы убедить всех в своей полной безвредности. Поче-

му-то озябшие губы упрямо выбирали одну и ту же мелодию: «Взвейтесь кострами, синие ночи…»

- Эй, кто это там? – настороженно окликнули его из темноты.

Гончар остановился.

- Могу я подойти к вашему огню?

- Ну, попробуй.

Он сделал только несколько шагов, вынул руки из карманов и встал так, чтобы его освещал костер.

Над огнем на треноге висел полукруглый котел. Рядом на камнях стоял кофейник. Дальше в темноте блестели белыми спицами высокие колеса, и огонь отражался двумя желтыми зигзагами в двух окошках на дверцах фургона. Людей не было видно.

- Покажи твои руки и повернись.

Разведя руки в стороны и медленно поворачиваясь, Степан сказал, отчетливо выговаривая каждое слово, как будто обращался по телефону к далекому индийскому или арабскому контрагенту:

- Я не могу найти свою дорогу. Пожалуйста, покажите дорогу в город.

- Ты шутишь, друг? Дорога у тебя под ногами.

- Мне нужна дорога в город, - повторил Степан.

- Здесь нет других дорог. Мы тоже хотим попасть в Эшфорд.

- Какой Эшфорд?

- Во всей Небраске только один Эшфорд.

Степан присел и вытянул руки над костром. Пламя обжигало кожу, дым ел глаза, черные сучья потрескивали под голубыми и желтыми языками огня. Все это было реальным, настоящим, подлинным. Это не снилось ему.

Значит, не снится и голос. Эшфорд. Небраска. Здесь нет других дорог.

Еще и еще раз Гончар пытался прокрутить в голове все последние события. Он вышел из машины. Оступился. Долбанулся головой. Очнулся на склоне…

Очнулся? Значит, он на какое-то время потерял самоконтроль. Кстати, потерял и кое-что еще – часы и бабки, не говоря о документах. Стоп. Хватит о потерях.

Итак, пока он был без сознания, его перебросили с Пулковского шоссе в Америку. Штат Небраска.

Кто перебросил? Зачем? Стоп, стоп, стоп! Снова бессмысленные вопросы. Бессмысленные, потому что некому их задать. В жизни, впрочем, случаются события и покруче. Подумаешь, человек пропал. Эшелоны пропадают, и то никто не удивляется. А тут – всего лишь человек…

При современном состоянии авиации это заняло бы часов десять. Какой тут часовой пояс? «Все срастается, - подумал Степан, радуясь хотя бы такому объяснению, более или менее рациональному. – Неважно, кто это сделал и с какой целью. Но если меня вырубили, тайно доставили на борт и выбросили в Америке, то сейчас тут как раз и должна быть глу-

бокая ночь. Ладно, в Небраске тоже люди живут. Вот уж не думал, что в Штатах остались такие глухие места. Экологический беспредел. Никаких признаков рекламы и уличного освещения, никаких промышленных запахов. Да еще и любители экстремального туризма за каждым кустом».

Из-за фургона показался темный силуэт. Высокий мужчина в широкополой шляпе приблизился к кругу света возле костра, и Степан увидел у него в руках ружье.

- Проклятый туман, - сказал мужчина. – Из-за него мы застряли на перевале. Будем ждать рассвета. Можешь остаться с нами, если тебе надо в Эшфорд.

Степан кивнул. Он оставался неподвижным, пытаясь разобраться в ситуации. А ситуация менялась. Глаза привыкали к освещению, и Степан разглядел новые лица у костра.

Благообразный джентльмен с бакенбардами устроился на раскладном стуле. Он поминутно поправлял складки своего длинного плаща, с откровенным интересом разглядывая Гончара. У его ног примостилась, кутаясь в рыжую лохматую шубу, девочка лет двенадцати, в меховой шапке с опущенными клапанами.

Вышел из темноты и еще один вооруженный мужчина, в короткой двубортной куртке, отороченной белым мехом. Он присел на корточки, опираясь на ружье, и вытянул над огнем длинный шомпол с насаженным куском хлеба.

- Откуда идешь, друг?

Степан молча показал большим пальцем за спину.

- Снизу? И давно шагаешь?

Степан неопределенно пожал плечами.

- Ты отчаянный парень, - сказал любитель жареного хлеба. – Пешком, в одиночку пройти перевал Вэйна? На такое не каждый решится даже днем. Хочешь хлеба?

Он переломил обугленную горбушку и протянул половинку Степану.

- Спасибо.

- Хочешь кофе? Дуглас, ты все равно стоишь, подай-ка еще одну кружку.

- Любишь ты командовать, Гарри, - покачал головой высокий, который стоял, опираясь на свое длинное ружье.

Не сходя с места, он потянулся к заднему ящику фургона, откинул его боковую стенку, выудил из ящика кружку и кинул ее к костру. Разговорчивый Гарри ловко поймал ее одной рукой, а во второй руке у него уже был закопченный кофейник.

- Тебе повезло, друг. Я только что расплескал почти весь наш кипяток, но в кофейнике осталось как раз на одну кружку. И это твоя кружка. Человек, прошедший перевал Вэйна ночью, заслужил того, чтобы отдать ему остатки кофе. Зимней ночью добрый глоток кофе стоит столько же, сколько целая пинта воды в жару, верно, друг?

Гончар вспомнил, где он слышал такое произношения. Похожим образом переговариваются в нью-йоркском порту - гнусавыми скороговорками, с особенными словечками из

тамошнего жаргона. Он мог бы и сам ответить в такой же манере, если бы стоял сейчас на терминале и следил за погрузкой. Но здесь, на ночной дороге, такое пижонство было неуместным. Здесь надо говорить так, чтобы тебя поняли сразу. И незачем притворяться местным.

Кроме необычной речи, эти американцы удивили Степана еще одной особенностью – они не улыбались. Дуглас и Гарри глядели на него довольно дружелюбно, но их обветренные лица оставались суровыми и непроницаемыми. Джентльмен с бакенбардами бесцеремонно рассматривал покрой куртки Степана, словно видел впервые такую диковинку. А девчонка угрюмо уставилась в огонь немигающим взглядом. Никто из них не завел со своим случайным попутчиком вежливой беседы о погоде и спортивных новостях. И только Гарри, наверно, ждал, что Степан оценит его гостеприимство.

- Хорошая штука – горячий кофе, верно, друг? – спросил он, видимо, надеясь услышать от Степана хоть какую-то ответную реплику.

В общении с иностранцами всегда трудно произнести первые слова, потому что приходится перешагивать какой-то внутренний барьер. Боишься, что тебя не поймут. Бесследно выветриваются из памяти все глаголы. Кажется, что кроме мычания и жестов, у тебя ничего не осталось. Но Степан Гончар знал одно простое средство от этой напасти. Он никогда не заговаривал первым, а старался как можно дольше послушать собеседника. После двух-трех фраз он уже пере-

ставал мысленно переводить на русский каждое слово, а просто *понимал* смысл сказанного. С пониманием возвращались к нему уверенность, и позабытые слова.

Так поступил он и на этот раз. Отхлебнув осторожно горячей жижи, в которой плавали крошки, Степан заметил:

- Не все на этой дороге так добры. На той стороне я тоже видел костер, но вместо кофе и хлеба меня угостили двумя пулями.

Гарри повернулся к Дугласу:

- Я же говорил, что был выстрел!

- Ты не мог слышать выстрел с той стороны перевала, - спокойно ответил Дуглас и взглянул на Степана. – Скажи нам, друг, кто были те люди, которые стреляли в тебя?

- Не знаю. Они забыли представиться. Могу точно сказать, что у одного из них женский голос.

Американцы переглянулись.

- Вот такой? – спросил Гарри и просипел фальцетом: - Отвали, придурок!

Степан кивнул, и Гарри снова оглянулся на Дугласа. Тот присел к огню, положив ружье рядом на землю, и подержал руки над пламенем, сгибая и разгибая длинные узловатые пальцы.

- Я думаю, доктор Фарбер, что туман уже рассеялся, и мы можем ехать, - он поднял лицо к благообразному джентльмену, который сидел напротив на складном стуле. – Луна высокая, дорогу видно хорошо. Нет смысла ждать здесь.

- Особенно, когда банда Сиплого ошивается поблизости, - добавил Гарри.

- Вам виднее, джентльмены, - ответил доктор Фарбер. – В любом случае, лучше двигаться, чем стоять.

- Двигаемся, Дуг! – скомандовал Гарри. – Займись лошадьми, а я наведу порядок.

Уже в следующую секунду кофейник и котелок были опрокинуты над костром, и пламя исчезло под белым паром. «Эти парни умеют быстро собираться», - подумал Степан Гончар и вылил остатки своего кофе на шипящие угли.

- Прошу на борт, мэм! – Гарри шутливо поклонился, открывая дверцу фургона перед девчонкой.

Доктор Фарбер жестом пригласил Степана, пропуская его в повозку, и забрался следом за ним. Последним на скрипучий диванчик уселся Гарри. Застонали, проворачиваясь, колеса, и фургон покатил куда-то, переваливаясь на неровной дороге.

«Странная какая-то здесь Америка, - с нарастающей тревогой думал Степан. - Дорога явно грунтовая. Как же они ездят по этому перевалу в дождь? Да, правильно говорят, в Америке есть все. Даже грунтовые дороги».

Он снова успокоился и устроился в уголке поудобнее, сунув руки в карманы. Доктор Фарбер протянул ему что-то колючее, свернутое в рулон.

- Для ног, - коротко произнес он, и Степан заметил, что его попутчики уже укрыли свои колени такими же одеялами.

Укутывая ноги, он увидел, что на стенках фургона тут и там поблескивают латунные донышки гильз. Степан не удержался и провел рукой по стенке. Так и есть - его пальцы наткнулись на патронташ.

Вот и еще одна версия: он попал в компанию любителей старины, которые разыгрывают свои исторические постановки.

Мерно громыхали колеса по мерзлой дороге. Фургон покачивался, убаюкивая седоков. Степан задремал, продолжая прислушиваться к разговорам своих странных попутчиков. Он почти ничего не понимал из их речи, да и не напрягался особенно, чтобы перевести. Гарри и доктор Фарбер тихо обсуждали возможный маршрут через верховья Миссури, когда в их беседу неожиданно вступила девчонка.

- Папа, а почему мы все время удираем от какого-то Сиплого? – невинно поинтересовалась она. И тут же добавила своим ангельским голоском, не дожидаясь ответа: - Почему бы нам не подождать его за поворотом и не отбить охоту преследовать нас?

- Каким образом, дитя мое?

- Папа, ты же сам учил меня, что бешеных псов не лечат, а уничтожают. Пара добрых выстрелов из мушкета[2], и мистер Сиплый потеряет всякое желание гоняться за нами. Я с удовольствием взяла бы на себя труд вышибить последние мозги этому негодяю, если позволишь.

---

[2] Мушкет – принятое в Америке название для армейской винтовки

- Заслушаться можно! И как же ловко выражается наша девочка! – восхитился Гарри. – Мне так в жизни не завернуть. Взяла бы на себя труд вышибить последние мозги!

- Хорошо, что нас не слышит миссис Фарбер, - вздохнул доктор. – Мне бы досталось за то, что я плохо воспитываю ребенка. Да, возможно, я плохой воспитатель. Но природу невозможно переделать по правилам хорошего тона. «Вышибить»! Почему бы не употребить правильное слово – «выбить»?

- Хорошо, папочка, - согласился ангелочек. – Я выбью ему последние мозги, и он их развесит на кустах для просушки.

- Да таких словечек я и от портовых оборванцев не слыхивал, - с уважением заметил Гарри. – А я ведь там, можно сказать, вырос, в порту. Там грудные младенцы вместо соски грызут кастет, а приличные люди вместо «спасибо» говорят «отдай все». Но так, как ты, Милли, им в жизни не сказануть.

- Гарри, Гарри, не стоит хвалить ее за это. Я бы и сам хотел надеяться, что моя дочь когда-нибудь превратится в настоящую леди. Но чего можно ожидать от девочки, которая родилась в походной палатке? А ее няньками были ирландцы, рабочие моей первой экспедиции.

- Это не мое дело, док, но я в толк не возьму – зачем надо было брать с собой в экспедицию беременную жену? Почему бы ей не сидеть дома, пока муж занят делами?

- Потому что в те годы у нас не было дома. Мы жили в дороге.

- И сейчас живем в дороге, - добавила девчонка. – И ничего в этом страшного. Папа, а расскажи Гарри про то, как нас расстреливали.

- Это долгая история. Почему бы нам просто не поспать немного?

«Отличная идея, док!» - мысленно согласился Степан и прислонил голову к мягкой стенке.

Ночью надо спать. Даже если тебя забросило к черту на рога, ночью надо спать. И если бы Степана Гончара похитили инопланетяне, он ухитрился бы выспаться в их летающей тарелке. Когда Степан служил в армии, ему приходилось урывать часок мирного сна в самых необычных условиях. Например, устроившись между котлами в гарнизонной кухне. А как сладко спалось в кузове «Урала», который вез его из дальнего караула в теплую казарму! Так что здесь, в этой тряской телеге, он ощущал себя вполне комфортно. Лишь бы не лезли в голову бессмысленные вопросы.

Больше всего Степан боялся, что все происходящее на самом деле только снится ему, или мерещится. А что? Вполне реальная вещь – вкололи какой-то наркотик, вот и начались глюки. Лес, горы, американцы – все это только галлюцинация. А в действительности Гончар сейчас, например, валяется где-нибудь в реанимации. Или в обычной палате, но в коматозном состоянии.

«Нет, есть штуки и похуже комы», - решил Степан, прислушиваясь к голосам попутчиков.

Хуже всего, если окажутся правы все эти маги, колдуны и бабы Фроси с третьим глазом. Хуже всего, если там, на Пулковском шоссе, Степан угодил в какую-нибудь черную дыру между параллельными мирами.

Почему это хуже всего? Во-первых, потому что совершенно непонятно, как можно вернуться обратно в свой мир. Во-вторых, потому что Степан Гончар был твердо убежден, что никаких параллельных миров не существует, а магия, астрал и третий глаз – это всего лишь варианты лохотрона. К лохотронщикам любой специализации Степан относился крайне негативно. Они делали деньги на человеческой глупости и жадности. А он вовсе не считал, что зарабатывать на жизнь можно любым способом. Очень даже не любым.

«Если это галлюцинация, то я не смогу заснуть, - подумал Степан. - А если засну, то обязательно проснусь, и тогда все встанет на свои места».

Он заснул. А когда проснулся, увидел перед собой все того же благообразного джентльмена с бакенбардами. Девчонка спала, пристроив голову у него на коленях. Рядом со Степаном дремал Дуглас, а Гарри, по всей видимости, сменил его на месте кучера.

Взгляд Степана скользнул по стенкам, обитым полосатой тканью. На дверцах, под окошками, в два ряда висели патронташи – сверху с большими гильзами, снизу поменьше. В каждом углу фургона виднелись приклады ружей, установленных стволом вниз, и еще два длинных ружья были за-

креплены под потолком.

За мутным окошком разворачивалась снежная долина с редкими голыми деревьями, а вдалеке чернел густой лес.

- Где мы сейчас? – спросил Степан.

- Это долина Черной реки.

- Прекрасно. Я знаю десять тысяч Черных рек, - буркнул Гончар.

- У тебя странная речь, - сказал джентльмен с бакенбардами. – Очень европейская. Мы едем всю ночь, и до сих пор не удосужились представиться. Будем знакомы. Я – доктор Фарбер, профессор геологии. Моя дочь Мелисса. Мы из Филадельфии. Наши проводники, мистер Дуглас Бакстер и мистер Гарри Хук. Они, насколько мне известно, жители Вайоминга.

Степан Гончар долго обдумывал, как представиться, потому что не хотел называть свое настоящее имя. Американцы не любят напрягаться, запоминая незнакомые слова. А если перевести «гончар», то получится Поттер. Отпадает. И тут он вспомнил, что когда-то в доках Фамагусты русские звали его Степой Питерским, а для местных он был просто Питерс.

- Меня зовут Питерс, - сказал он. - Стивен Питерс.

- Чем собираешься заняться в Эшфорде?

- Не знаю.

Профессор испытующе поглядел на Степана.

- Если не хочешь говорить о себе, не говори. Здесь ни-

кто не спрашивает лишнего. Но мне кажется, тебе нужна помощь. Обычно люди, которые остаются живыми после встречи с бандитами, нуждаются в помощи.

- Спасибо. Я не встречался с бандитами, - ответил Степан и снова откинул голову к стенке, прикрыв глаза.

Скрипели колеса, стучали копыта. Так прошло еще минут пять, прежде чем доктор Фарбер сказал:

- Если у тебя нет никаких дел в Эшфорде, ты можешь заняться моими делами. Я хорошо заплачу. Ты хочешь заработать?

Степан хотел заработать. Потому что он очень хотел поскорее выбраться отсюда. Но чтобы выбраться, надо остаться живым. А чтобы выжить, нужны деньги. Все очень просто. Да, Степан очень хотел заработать, но он никогда не брался за первую попавшуюся работу.

- А какими вашими делами надо заниматься? Вы охотники?

- Почему ты так решил?

Вместо ответа Степан щелкнул пальцем по ближайшему патронташу.

- Нет, мы не охотники. Просто в этих местах принято брать в дорогу весь необходимый инструмент. Разное оружие нужно для разных случаев. Винчестер – чтобы свалить лошадь под индейцем, если он за тобой гонится. А дробовик – от тех, кто уже лезет в фургон. Разные случаи, разное оружие, - повторил профессор. – Я занимаюсь геологическими

исследованиями. Ты знаешь, что такое геология?

- Конечно. Собираете камни. Ищете нефть.

- Правильно, - кивнул профессор. – Мы собираем камни. Но ищем кое-что более ценное, чем нефть. Уголь, свинец, олово. Обычно я нанимаю рабочих в экспедицию. Но до сезона еще далеко. Поэтому сейчас я могу дать тебе только какое-нибудь поручение с разовой оплатой. Ты способен пройти пешком десять миль?

- Да.

- Тебе надо будет дойти до стойбища оттава, и забрать бобровые шкурки, которые они приготовили для меня. Я заказал эти шкуры весной, и они собирали их весь год. Теперь их надо забрать. Ты просто скажешь, что тебя послал доктор Фарбер.

Профессор говорил медленно, простыми короткими фразами, как и сам Степан когда-то говорил со своими собеседниками где-нибудь в Бразилии или на Кипре. Гончара немного задевала такая снисходительная манера, но он не возражал. Кроме того, в речи профессора ему встретилось непонятное словосочетание.

- Как называется стоянка? – переспросил он. - Оттава? Мы в Канаде?

- До сих пор я был уверен, что мы в Небраске, - иронично поднял брови доктор Фарбер. – Ты думаешь, что остатки племени оттава сохранились только на канадском берегу Мичигана? Нет, Стивен, они еще встречаются и там, где ци-

вилизация уже проложила свои дороги. Я имею дело с ними, потому что оттава хорошие охотники. Их стоянка здесь недалеко, две мили от дороги. Мне бы не хотелось терять целый день на визит к ним. Поэтому твоя помощь будет очень ценной. Тебе надо только пройти по тропе через лес, и через час ты увидишь стойбище. Не отказывайся, когда они пригласят тебя к обеду. Не накормить гостя – позор для индейца. Связки шкур они держат где-то в лесу, в тайнике. Пока ты будешь обедать, дети сходят за ними. Но будь внимателен: на каждой шкуре должна быть бирка с названием реки, где бобер был пойман.

- Сколько таких рек? – Степан поднял голову. – Две, десять, сорок? Сколько будет шкур?

- Хороший вопрос. Я не знаю, сколько будет шкур. Но ты возьмешь у них только по два бобра с каждой реки. И за каждую пару дашь по одному моему чеку. С собранными шкурами приходишь на почтовую станцию – индейцы проводят тебя, это пять миль - и ждешь меня там. Через два или три дня я буду ехать обратно через станцию, заберу шкуры и оставшиеся чеки. А ты получаешь по доллару за каждую пару, и десять долларов за работу.

- Сколько? – переспросил Степан. Ему случалось порой жить на доллар в день, но он сомневался, что обнаружит в этом лесу лавку с чипсами, крекерами и бесплатной водой. – Десять?

- Мне понятно твое удивление. Но мои работники всегда

хорошо зарабатывают, - без тени иронии произнес профессор. - А в сезон, кроме разовых выплат, они получают еще и тридцать долларов в месяц. В этих краях можно неплохо жить с такими деньгами. Согласен?

- Я получаю долларами или вашими чеками?

- Конечно, долларами. Магазины принимают чеки только от индейцев. Итак, твое решение?

Гончар не торопился отвечать. Конечно, предложение профессора было как нельзя кстати. Задание нетрудное, заработок гарантирован, кормежка – тоже. Кроме того, Степану нравилась эта компания. По крайней мере, они его подобрали, обогрели. За таких людей надо держаться, особенно в чужой стране. Смущало Степана только одно обстоятельство – он никогда не имел дела с индейцами. Но все, что он знал об индейских резервациях, не прибавляло ему энтузиазма. Преступность, наркотики, болезни… Неизвестно, чем они его накормят. А отказываться опасно…

И все-таки он сказал:

- Я согласен. Но у меня еще один вопрос. Вы давно знаете этих индейцев, оттава?

- Этих? Я был у них весной.

- Вы уверены, что они не снимут с меня скальп и не заберут все ваши чеки?

- У тебя какие-то особые счеты с оттава? – спросил доктор Фарбер. – За что им снимать с тебя скальп? К тому же, насколько мне известно, они вообще не практикуют *скальпинг*.

Это обычные охотники, они ни с кем никогда не воевали. Я же не посылаю тебя к сиу, шайенам или черноногим. Оттава – мирные безобидные люди. Сущие дети, если разобраться.

- Вопрос решен, - кивнул Степан Гончар. – Давайте обсудим такую позицию контракта, как непредвиденные обстоятельства. Что будет, если моя операция с индейцами не состоится? Они могли перейти на другое место. Они могли за зиму продать эти шкуры кому-то. В конце концов, шкуры могли пропасть по каким-то другим причинам. Что мне делать в таком случае?

- Понимаю, ты хочешь застраховать себя. Вот чеки, - профессор протянул ему тонкий блокнотик. – Если ты не получишь шкур по той или иной причине, то просто вернешь мне мои чеки, а я заплачу тебе твои десять долларов за прогулку. Но должен сказать, что оттава никогда еще не нарушали своих обязательств. Поэтому я предпочитаю иметь дело с ними, а не с перекупщиками пушнины. У индейцев есть только один существенный порок. Пьянство. Возможно, они будут просить у тебя ром вместо чеков. Не покупай им ром. Индейцам нельзя пить. В обмен на чеки они получат все, что им нужно для охоты. Ром не нужен для охоты, не так ли?

- Охота бывает разная, - заметил Степан.

Он по привычке попытался рассчитать альтернативные варианты конвертирования чеков Фарбера в доллары США. Другими словами – нет ли в условиях контракта каких-нибудь лазеек для получения односторонних выгод? Нет, не

видно.

Заказчик рискует только своими чеками или чем-нибудь еще? Только чеками. Да и их он может отпечатать сколько угодно.

Глянем с другой стороны. Как может повести себя недобросовестный исполнитель? Получить от индейцев лишние шкурки и продать их. Кому? По какой цене? И откуда они возьмутся, эти лишние шкурки?

Второй вариант: получить от индейцев целую гору шкурок, продать их и смыться с деньгами. Куда смыться?

Кажется, профессор имел основания доверять эту работу первому встречному. Он ничем не рисковал, потому что Степану было гораздо выгоднее честно выполнить условия сделки, чем ловчить и обманывать.

- А могу я узнать, какая связь между мехами и геологией?

- Я как раз это и хочу выяснить, - ответил доктор Фарбер. – Все, что скрыто под землей, каким-то образом проявляет себя на поверхности. Например, красный лишайник выдает залежи железной руды. Есть и другие знаки, тысячи других знаков. Но мы их пока не понимаем. Возможно, что и не поймем никогда. Но попытаться все-таки следует. А бобровые шкуры могут подсказать очень много. Я буду очень признателен тебе, если ты выполнишь мое поручение. Самое главное - не поддавайся уговорам индейцев и не покупай для них ром. Помни о бирках. Итак, сегодня десятое февраля. Значит, двенадцатого февраля мы с тобой увидимся на почто-

вой станции Эшфорда.

- Что? Двенадцатого февраля?

«Вот оно, начинается, - подумал Степан. – Сегодня же двадцать первое января! Было. Где же меня носило эти три недели?»

Гончара так и подмывало спросить, а какой сегодня год, но он боялся, что такая информация может серьезно отразиться на его поведении. Нет, еще рано. Надо сначала привыкнуть к перемене места. А с переменой времени лучше подождать.

Фургон остановился, и высокий проводник, Дуглас Бакстер, открыл дверь, кивком пригласив Степана на выход.

Гончар сошел на укатанный снег дороги и огляделся.

- Слушай, Стивен, - сказал проводник. – Я не знаю, откуда ты взялся. И не мое дело, зачем ты сюда пожаловал. Но мне не нравится, как ты одет. Индейцы не станут с тобой разговаривать.

- А в чем проблема? – спросил Степан, машинально проверив ширинку. – Что тебе не нравится в моей одежде?

- Кое-чего не хватает, - сказал Бакстер и протянул ему ружье. – Возьми хотя бы дробовик. Здесь не принято ходить без оружия. Можешь ходить без штанов, но ствол должен быть у каждого мужчины.

- Я не могу купить твое ружье, - признался Степан. – Нет денег.

- А я и не продаю. Вернешь его, когда мы подберем тебя

на станции.

Гончар бережно обтер ладонью темно-синие стволы.

- Вот тебе патроны, - Дуглас снял с дверцы оружейный пояс и повесил его на плечо Степану.

- Эй, Стивен! – закричал с облучка Гарри. - Если завалишь бизона, то язык – мне. Договорились? Это ведь мой «паркер». Дуглас щедро раздает чужие вещи, но я не в обиде. Не встретишь бизона или лося, не беда, я не откажусь и от фазана. Договорились?

- О'кей, - сказал Степан Гончар.

Он застегнул тяжелый пояс, повесил дробовик за спину и зашагал по тропинке к прозрачному лесу.

За спиной щелкнул бич, заскрипели колеса фургона. Но мягкий перестук копыт вдруг оборвался, и Степан оглянулся. Почему-то ему показалось, что фургон остановился из-за него.

Так и было. На дорогу спрыгнула маленькая фигурка. Путаясь в длинной шубе и придерживая шапку рукой, к Степану бежала дочка профессора, Милли.

- Мистер Стивен! – запыхавшись, она остановилась подле него так резко, что наверняка упала бы, если б он не подхватил ее обеими руками за острые локотки. – Мистер Стивен, Дуглас говорит, что у вас нет денег. У вас нет даже сумки. У вас ничего нет. Я не хочу, чтобы кто-то умер от голода и холода. Возьмите!

Она быстрым движением сунула ему что-то в карман

куртки и убежала.

Когда фургон скрылся за деревьями, Степан вынул из кармана серебряный доллар.

- Интересно, - сказал он, - как эта монета может согреть и накормить человека в лесу?

Он вдруг вспомнил свой разговор с той американкой, которую куда-то вез в своей машине. Кажется, они говорили об Америке, стране огромных возможностей. Что ж, теперь у него было все, чтобы стать миллионером – голова на плечах, оружие в руках и начальный капитал в кармане.

3. Первый выстрел

Это была не первая смена обстоятельств в жизни Степана Гончара, но никогда еще его жизнь не менялась так круто.

К примеру, в мае девяносто первого года он ушел в армию, чтобы охранять священные рубежи государства. Он думал, что ему чрезвычайно повезло, потому что не каждому удается служить в таком райском уголке, как Абхазия. Однако все прелести курортной жизни слишком быстро сменились грязью и кровью войны. Больше того, за те два года исчезла даже сама страна, чьи рубежи так рвался охранять Степан Гончар.

Случилась с ним и более серьезная ломка. Сразу после окончания Академии имени Макарова ему удалось устроиться – по знакомству и с небольшой доплатой – на работу в экспедиторскую компанию. Август девяносто восьмого Степан встретил в порту Фамагусты, с двумя контейнерами трикотажа и без единого доллара в кармане. Хозяева его компании посчитали, что после дефолта им дешевле исчезнуть, чем расплачиваться по непредвиденным долгам. Но Степан не мог последовать их примеру. Три месяца он прожил на причале, организовав бригаду сторожей из таких же, как он, брошенных за границей экспедиторов и матросов. А в декабре появился новый хозяин контейнеров, и он вызволил Сте-

пана с его бригадой и со всем спасенным товаром. В результате Гончар доставил в Петербург не два, а четыре контейнера, и получил должность в новой мощной компании.

Были и другие случаи, когда казалось, что все рушится. Но жизнь научила Степана не отчаиваться и не задавать себе бессмысленные вопросы. В любой ситуации можно найти и плюсы, и минусы. И все кончится хорошо.

Потому что все всегда кончается. И это – хорошо.

Небраска? Да еще со сдвигом по времени? Даже в такой ситуации есть чему порадоваться. Например, хорошему, настоящему оружию в руках.

Оказаться в глухом лесу с ружьем в руках – и ни разу не выстрелить?

Степан терпел, сколько мог, выжидая, пока фургон отъедет достаточно далеко, чтобы никто не расслышал его выстрелов. Он переломил дробовик и увидел в стволах блестящие капсюли. Оставалось выбрать подходящую мишень.

Он шагал по тропе, и снег мягко поскрипывал под ногами. Вокруг него все чаще стали попадаться склоненные голые ивы. Иногда они стояли группами по три, по четыре, и такие места немного возвышались над белым пространством. Степан догадался, что тропинка ведет его через торфяник.

Его руки нетерпеливо сжимали ложу дробовика, но глаз не мог отыскать никакой мишени. «То ли дело наш лес», - вспоминал Степан Гончар. - «На каждом шагу то бутылка, то банка». Рядом с тропинкой из снега торчали сухие стебли, а

чуть дальше он увидел запорошенный бугорок. До него было метров пятнадцать-двадцать.

«Сойдет и бугорок, - решил Степан. - Надо же хотя бы проверить оружие». Он вскинул тяжелый дробовик и прижал приклад к плечу.

И вдруг запорошенный холмик среди стеблей взорвался целым облаком снежной пыли!

Крупная белая птица, громко и часто хлопая крыльями, вспорхнула из-под снега и полетела прочь, роняя серые перья.

Вот так мишень! Голубь? Нет, куропатка?

Степан настолько растерялся, что забыл выстрелить вдогонку. Птица взмыла над рядком густых кустов и нырнула вниз, скрывшись за сетью ветвей. Неужели упустил? Что же это за птица? Куропатка?

Какая разница! Потом разберемся! Гончар спохватился и побежал следом.

Он был уверен, что птица не улетит далеко. Она казалась тяжеловатой для долгих перелетов. Наверняка сейчас сядет там, за кустами, и замрет, чтобы стать невидимой на фоне снега. Шаги охотника, конечно, снова вспугнут ее, но на этот раз Степан не даст ей улететь далеко.

Пробежав по колено в снегу метров тридцать, Степан обогнул кустарник. Но куропатки здесь не было. Он успел краем глаза заметить какое-то движение совсем в другой стороне. Повернулся и увидел, как птица скользит над снегом, по-

чти касаясь его кончиками крыльев. Вот она снова взмыла и пропала за длинным сугробом.

«Одурачила! - возмутился Степан Гончар. - Какой маневр! Но не может же она его проделать два раза подряд!»

Он рванулся по глубокому снегу, готовый выстрелить в любую секунду.

Перед ним появилась запорошенная коряга. Держа дробовик в одной руке, другой он оперся о широкий ствол поваленного дерева и, оттолкнувшись, перемахнул через него.

Ноги его провалились в снег гораздо глубже, чем он ожидал, и наткнулись на что-то мягкое. Степан потерял равновесие и рухнул в сугроб под корягой. В ноздри ударил резкий запах псины и еще какой-то дряни. Прямо под собой он вдруг увидел широкую собачью морду с оскаленными желтыми клыками.

Испуганно отталкивая эту морду стволом дробовика, Степан попытался выбраться наружу. Оглушительно ударил выстрел, ружье чуть не вырвалось из руки. Что-то горячее брызнуло в лицо Степану. Он рванулся и вцепился в сук, торчавший из коряги. Еще рывок, и он перевалился через дерево на другую сторону.

Отдышавшись, он вытер лицо снегом. Увидел красные слипшиеся комки и понял, что испачкался кровью. Быстро переломил дробовик, из которого вылетели дымящиеся гильзы. Трясущимися пальцами вставил новые патроны и на четвереньках отполз по снегу подальше.

Ему стоило немалых усилий заставить себя вернуться к коряге. Едва заметный пар клубился над разворошенным, в мелких красных пятнах, снегом. Тишина.

Степан понял, что убил собаку, лежавшую под корягой. Откуда там могла взяться собака? Может быть, барсук?

Да нет, он точно помнил эту плоскую серую морду. Собака, вроде кавказской овчарки. Ему не хотелось снова заглядывать за корягу, и Степан повесил дробовик за спину.

Хватит, настрелялся. Ему было стыдно. Дурацкая шалость с оружием закончилась тем, что он нечаянно убил ни в чем не повинного пса. И какого черта собака забралась под ту корягу? Называется, нашла укромное местечко…

На ходу оттирая снегом лицо и грудь от крови, Степан Гончар снова выбрался на свою тропинку и зашагал по ней к лесу.

Стоянка индейцев-оттава выглядела именно так, как представлял себе Степан. На поляне, окруженной высокими елями, стояли три заснеженных конуса с торчащими наверху кончиками жердей. «Вот они, вигвамы», догадался Степан.

Две серые лайки выбежали из-за вигвамов и залаяли, не приближаясь к пришельцу. Степан на всякий случай остановился.

В ближней палатке откинулся полог, и в проеме показалось бледное лицо. Собаки мгновенно умолкли и уселись на снег. Индеец стоял на коленях, придерживая полог рукой.

Кожа его была совсем не красной, а сероватой, как оберточная бумага. Черные прямые волосы выбивались из-под засаленной шляпы с куцыми полями. Оттава, не мигая, смотрел на Степана и не поднимался с колен.

«Ну, и как прикажете вступать с ним в контакт? - призадумался Гончар. - На каком языке тут принято общаться?»

Он подошел ближе и сказал, указывая на себя пальцем:

- Я – Стивен. Сти-вен.

Затем он показал индейцу блокнотик с чеками:

- Доктор Фарбер. Бобры. Я брать бобры. Для доктор Фарбер. Давать тебе чек. Много бобер. Много чек. Понимаешь?

За спиной индейца захныкал ребенок. Оттава с трудом поднялся на ноги и вышел из палатки, опустив полог за собой. На нем был длинный, ниже колен, балахон песочного цвета, с темно-коричневой полосой по нижнему краю, с болтающимися деревяшками вместо пуговиц. Индеец запахнул полы своей одежды, продев деревяшки в плетеные петельки, и разгладил пальцами пряди волос, заводя их за уши.

- Мои дети плачут от голода, - сказал он. – Мое ружье и капканы украли белые. Все мои соседи умерли. Мы ждали смерти, но вместо нее пришел ты. Ты понимаешь, что я говорю?

Он говорил важно и медленно, его узкие черные глаза оставались полузакрытыми, и только с последними словами индеец посмотрел в лицо Степана.

- Может быть, ты знаешь только три слова - «бобры», «че-

ки» и «доктор Фарбер»?

- Это уже четыре слова, - сказал Гончар. – Не беспокойся, я все понимаю. Просто я никогда не говорил с индейцами.

- Я вижу. Значит, ты Стивен? Меня зовут Ке Шау Тин. Заходи, сейчас мы приготовим еду. А потом пойдем за бобрами для доктора Фарбера.

Степан, пригнувшись, шагнул под полог. В центре вигвама тлел среди камней слабый костер. Тонкие волокна дыма взвивались к отверстию в крыше. Неосторожно вдохнув добрую порцию спертого кислого воздуха, Гончар стиснул зубы, чтобы подавить рвотный рефлекс. Он разглядел в полумраке несколько бледных лиц с черными блестящими глазами. Дети лежали на шкурах, кутаясь в драные бурые одеяла.

Ке Шау Тин указал ему на место за очагом, напротив выхода, и произнес короткую фразу. Степан осторожно пробрался вдоль наклонной стены, опустился на корточки и протянул озябшие руки к огню.

Дети зашевелились, усаживаясь вокруг очага. Один из них, мальчонка лет десяти, поднялся, затягивая пояс на своем балахоне, и вышел вслед за отцом. Из проема повеяло таким свежим морозным воздухом, что Степан не выдержал и выбрался из вигвама.

Ке Шау Тин стоял на коленях перед лайкой, держа ее морду обеими руками. Собака беспокойно виляла хвостом, но не вырывалась. Вторая лайка лежала рядом на снегу, понуро опустив морду на вытянутые лапы.

- Она была хорошей собакой. - Оттава повернулся к Степану: – Я хотел убить ее завтра, но придется сделать это сейчас. Нам нужна горячая еда.

После ночи на перевале и прогулки по лесу Гончар не возражал бы против горячей еды. Но как только он понял, что индеец собирается накормить его мясом лайки, голод куда-то пропал. Зато вернулась способность соображать.

- Подожди! – Гончар схватил индейца за плечо. – Если ты хочешь приготовить еду, не надо убивать свою собаку. Пойдем со мной.

Ке Шау Тин молча смотрел на него, не выпуская морду лайки из рук.

- Пойдем со мной, - повторил Степан. - Я покажу тебе другую собаку. Уже убитую. Что ты смотришь? Пойдем, пока ее не нашли вороны. Это близко. Я застрелил ее по дороге.

Индеец встал, отряхивая снег с пол балахона.

- Ты застрелил свою собаку?

- Нет. Не свою.

Ке Шау Тин повернулся к мальчишке и произнес несколько коротких фраз на своем языке. Из вигвама выбралась старуха, следом за ней - еще двое детишек. Индеец и им что-то приказал, после чего снова обернулся к Степану.

- Идем, Стивен, - важно сказал он.

Гончар ломал голову, как бы объяснить индейцу, откуда взялась эта убитая собака. Но, к счастью, оттава больше ничего не спрашивал, неторопливо шагая вслед за Степаном.

Двигался он легко и бесшумно, и Степан слышал только собственные шаги. Почему-то под ногами индейца даже снег не скрипел.

Над корягой взлетели две вороны, недовольно каркая.

- Уже нашли, - Степан погрозил им кулаком. – Хорошо, что мы успели. Иди, она там, за деревом.

Ке Шау Тин лег поперек ствола и посмотрел вниз. Потом встал на корягу и огляделся по сторонам.

- Как ты нашел эту яму? – спросил он.

- Случайно.

- Никто не ходит по болоту, даже случайно, - сказал оттава. – Поэтому медведь выбрал эту яму, когда ложился спать. Он был умный. Он знал, что здесь никто не станет искать его. Рядом дорога. Рядом люди. В таких местах никто не ищет медведей. Это был очень умный медведь.

- Какой медведь?

- Твой медведь. Которого ты назвал собакой.

Ке Шау Тин вынул из-под балахона топорик, одним ударом отрубил длинный сук и, наклонившись, опустил его в окровавленный снег.

- Мертвый, - сказал он, поковырявшись палкой в яме. - Хороший выстрел, Стивен. Между глаз. Жалко, что мозги разбросало. Помоги мне вытащить его отсюда.

Степан долго не мог понять, шутит индеец или говорит серьезно. И только когда они выволокли тяжелую тушу на снег, он убедился, что и в самом деле побывал в медвежьей

берлоге.

То была молодая медведица, как определил индеец, ловко орудуя топориком. Он отрубил лапы и связал их попарно. Передние отдал Степану, задние взвалил себе за спину. Медвежью печень Ке Шау Тин обернул тряпкой и спрятал за пазуху. Оставшуюся часть туши затолкал вглубь берлоги и завалил снегом, долго его притаптывая. Когда они отошли от коряги, на снегу не осталось ни капли крови.

- Не пропадет остальное мясо? – спросил Степан.

- Если мы останемся на старом месте, то завтра перенесем мясо к себе, - сказал оттава. – А если уйдем на новое место, то заберем с собой отсюда. Утром будет видно.

- Зачем тебе уходить на новое место?

- Здесь мы умрем, - просто ответил Ке Шау Тин. – Нет ружья, нет охоты. Нет охоты – нет еды.

- Тогда почему ты не ушел раньше?

- Доктор Фарбер не знает, куда я могу уйти. Он знает, что я жду его здесь. А теперь ты возьмешь его шкуры. И мы вместе с тобой пойдем на станцию. Я куплю новое ружье. И моя семья уйдет на новое место, поближе к родичам. Но, может быть, мы останемся здесь.

Ке Шау Тин свернул с тропинки, и Степан пошел за ним, полагая, что индеец выбрал более короткий путь для возвращения к стоянке. Но, пробравшись через густой невысокий ельник, они остановились перед небольшой круглой поляной. Среди мертвой осоки над снегом виднелись невысокие

и узкие шалаши, крытые еловыми лапами. Их было, наверно, десятка два: четыре шалаша на ближнем краю, с десяток на дальнем, несколько посередине.

- Вот здесь остались все мои соседи, - сказал оттава. – Я хочу проститься с ними. И просить прощения у них. Их убила болезнь, которую принесли белые. Мы умеем лечить наши болезни, но против чужой у нас нет никаких средств. Наши ягоды, травы и кора бессильны против ваших недугов. Сначала у человека идет кровь из горла, потом он становится горячим, потом теряет слух, или зрение, или рассудок. А потом умирает. Муж моей сестры перерезал себе горло в самом начале болезни, потому что не хотел быть обузой. Он был хороший охотник и сильный человек. Я тоже болен, но не могу умереть, потому что надо спасать семью. Я ходил на почтовую станцию, чтобы обменять ондатровые шкуры на еду и патроны. Но по пути встретил скупщиков, и они угостили меня ромом. Я три дня пил. А когда очнулся, у меня уже не было ни шкур, ни ружья, ни капканов. Я слабый человек. Лучше бы я перерезал себе горло, а муж сестры остался бы жить. Скоро от нашего племени не останется ничего, кроме этих могил. Но и они исчезнут весной.

- Почему они исчезнут?

- Лед растает, и мертвецы опустятся в болото. Видишь эти шалаши, пустые? Я их приготовил для своей семьи. Боялся, что умру первым, и дети не справятся. Но теперь я буду жить. Постой здесь, не ходи за мной.

Он обошел поляну по краю и остановился перед дальними могилами. Опустившись на колени, зачерпнул снег обеими руками и высыпал его поверх еловых стенок шалаша. Такой же обряд совершил оттава и перед всеми остальными могилами.

Вернувшись, он объявил:

- Родичи отпускают меня. Завтра мы уходим на новое место.

Подходя к стоянке, Степан издалека увидел высокий костер, который горел между палатками. Над костром на треноге висел котел, и старуха помешивала в нем длинной деревянной ложкой.

Отдав старухе печень, Ке Шау Тин сказал Степану:

- Сиди у огня. Жди меня. Мы с сыном принесем шкуры для доктора Фарбера.

- Зачем мне сидеть у огня? Нет, лучше я пойду с тобой, - решил Степан. – Я могу взять больше груза, чем твой сын.

- Ты оставляешь много следов, - сказал оттава. - Будет плохо, если по твоим следам чужие люди найдут мой сунжегвун.

- Твой – *что*?

- Сунжегвун. Место, где мы прячем шкуры. Стивен, ты первый раз в лесу?

- В этом лесу – да, первый раз. Ладно, я подожду тебя здесь, - неохотно согласился Гончар.

Он сидел у огня, глядя, как старуха режет печень на плоском камне. Пару кусочков она бросила лайкам, остальное бе-

режно опустила в кипяток, после чего принялась подсыпать в котел какие-то ссохшиеся комки из двух тряпичных мешочков. Скоро от огня потянуло аппетитным паром.

Степан Гончар никогда еще не пробовал медвежатины, но слышал, что это мясо опасно есть из-за глистов. «Где, когда, от кого я это слышал? – подумал он. – Зачеркнем и забудем. Все это было не здесь и не сейчас. А здесь, в Небраске, я могу всю оставшуюся жизнь питаться одной медвежьей печенью. Вот уж не думал, что можно завалить настоящего медведя из дробовика. Понятное дело, выстрел в упор. Даже мозги разбросало. Наверно, индеец огорчился из-за этих мозгов. Наверно, это деликатес. Ничего, сойдет и печень. А в следующий раз буду стрелять уже с умом».

Он вдруг понял, что с этого случайного выстрела начинается новый отсчет времени и событий в его новой жизни. Первый доллар. Первый выстрел. Первый медведь.

«Не знаю, что будет дальше, но начало мне нравится», - решил Степан Гончар.

4. Тризна

Все могло бы повернуться иначе, если бы Степана не сморил сон. Старуха в очередной раз помешала ложкой варево, а потом подсыпала в котел сушеных ягод. «Вкусно пахнет», - подумал Гончар, опуская потяжелевшую голову на колени. А в следующую секунду он вдруг обнаружил себя лежащим на снегу в обнимку с дробовиком.

Старуху потрепала его по плечу и что-то сказала на своем языке, в котором не было ни одного знакомого Гончару звука. Но ее палец показывал на вигвам, и Степан все понял. Он кивнул и побрел к палатке. Дети закопошились, уступая ему место, и он повалился между ними на шкуры. Странное дело, теперь он не замечал никаких неприятных запахов. Ему даже нравилось, как остро пахнет бурая свалявшаяся шерсть старого одеяла, которым он укрылся.

Его разбудили голоса, которые показались знакомыми. Степан прислушался и понял, что возле вигвама появились новые люди. И один из них – тот самый Сиплый, который так невежливо обошелся с Гончаром ночью на перевале.

- Почему ты не продашь мне шкуры, Кеш? – спрашивал Сиплый.

- Я уже говорил тебе, - отвечал оттава. - Эти бобры принадлежат доктору Фарберу.

- Его здесь нет. Я пришел первым. Значит, я имею право купить их у тебя.

- Доктор Фарбер уже купил их.

- Что ты заладил одно и то же! Доктор Фарбер, доктор Фарбер! Я заплачу тебе настоящими деньгами, а не бумажками.

- Заплати кому-нибудь другому. За болотом стоят оджибвеи, у них тоже есть бобры.

- Но мне нужны твои.

Степан Гончар приподнялся на локте, пытаясь встать, но чья-то рука удержала его. Оглянувшись, он увидел, что рядом с собой девушку. Он и не замечал ее до сих пор под ворохом одеял. Она отрицательно помотала головой и приложила ладонь к губам. Гончар кивнул, поняв, что от него требуют тишины. Но все же подобрался к выходу и осторожно оттянул полог, заглядывая в щель.

Ке Шау Тин стоял между двумя всадниками, держа на плече связку блестящих черных шкурок. Лошади, одна черная, другая серая, нетерпеливо переступали, выдыхая струи пара, и теснили его к костру. Оба всадника держали винтовки поперек седел. Один из них говорил с индейцем, а второй настороженно оглядывался по сторонам.

- Ладно, краснокожий, я вижу, что ты уперся и не уступишь, - говорил Сиплый. – Эти шкуры ты приготовил для Фарбера. Черт с ним. Но остальные ты продашь мне. Договорились?

- У меня нет других бобров.

- Ты уверен? А если поискать? Поищи в своих палатках, может быть, найдется связка или две? Я хорошо заплачу, не сомневайся.

- У меня нет других бобров, - устало повторил Ке Шау Тин, бросив связку на снег и наступив на нее.

- Ты уверен? Это точно? Слышишь, Гомес, это последняя связка. Разве мы можем уйти без нее? – Сиплый уже держал винтовку в руке, стволом вниз.

Его спутник ответил:

- Нет. Не можем.

Их голоса звучали спокойно и негромко, но Степану стало не по себе. «Когда двое вооруженных мужчин хотят отобрать у одного безоружного связку бобровых шкур, то, не знаю, как по-американски, но по-русски это называется ограбление. Надо бы отшить этих уродов, - подумал Степан Гончар, пытаясь нащупать дробовик. - Только как это сделать? Может быть, у них тут принято вести деловые переговоры в такой манере? Вон, старуха даже головы не поднимает, все колдует над котелком. И Кеш стоит спокойно. Он или слишком крутой, или просто цену набивает своим бобрам. Черт, но если они заберут шкуры, я останусь без заработка».

Стоя на коленях у самого полога, он потянулся за ружьем.

- Не выходи, - прошептала девушка. – Это злые люди.

Гончар хотел успокоить ее, но не увидел на лице девушки ни волнения, ни страха. Раздался выстрел, и девушка при-

крыла глаза.

- Не выходи, - повторила она.

Степан выглянул из вигвама, и тут же спрятался обратно, продолжая наблюдать через щелку.

Он увидел, что Ке Шау Тин лежит на снегу поперек связки шкур. Сиплый спрыгнул с коня и ногой перевернул тело индейца.

- Готов, - проговорил он. – Гомес, не топчись на месте, как дохлая крыса. Догони мальчишку.

- Может, кто-то из нас и топчется, но только не я, - ответил напарник. – Надо было стрелять сразу. Ты слишком много говорил с ними.

- Ты ни черта не смыслишь, - раздраженно выкрикнул Сиплый своим бабьим голосом. – Мне нужны именно эти шкуры. Мне надо точно знать, что это золотые бобры. Догони мальчишку, я сказал!

- Не волнуйся, амиго. От моего «спрингфилда» еще никто не убегал.

Второй всадник развернул коня и помчался к лесу. Сиплый перешагнул через убитого и подошел к старухе, которая безучастно сидела возле костра. Она медленно подняла ладонь, словно заслоняя лицо от яркого света.

Сиплый приставил ствол винтовки к ее груди. Выстрел повалил старуху на снег. Она упала, раскинув руки.

Стиснув зубы, Гончар смотрел, как Сиплый поднимает бобровую связку, как он перебирает шкурки, как привязыва-

ет их к седлу. В мертвой тишине только скрипел снег под сапогами убийцы. Да где-то тревожно прокричала ворона. Вот из леса донесся заливистый лай двух собак. Но он оборвался после гулких выстрелов.

Сиплый отвел скобу затвора книзу, перезарядив винтовку, и заглянул в дальний вигвам, затем в соседний. Потом направился к тому, где стоял на коленях Гончар. Снег хрустел все громче с каждым шагом. Степан попятился внутрь, не вставая с колен. Опустил руку и не глядя схватил свой дробовик. Он направил ружье на проем палатки и, как только полог откинулся и в белом треугольнике вырос черный силуэт – Степан нажал на спусковой крючок.

Дробовик подпрыгнул в руках. Степан ничего не видел из-за дыма, который заполнил все тесное пространство вигвама.

Девушка подтолкнула его в спину, и он вскочил, и откинул полог, и с ружьем наперевес выскочил наружу. Сейчас он был готов любому впиться зубами в глотку.

Но враг уже лежал на снегу, задрав бороду к небу, и медленно двигал ногами, словно пытался отползти. Его грудь была залита блестящей ярко-красной кровью, и густой пар клубился над ней.

Степан подобрал чужую винтовку и стряхнул налипший снег с затвора.

- Слева! – закричала девушка.

Стоя на колене, он повернулся влево и вскинул винтовку. Приклад с железной накладкой плотно уперся в плечо. Сте-

пан едва разглядел непривычно низкую мушку, прежде чем подвести ее под голову всадника. «Метров сто», - прикинул он дистанцию и прицелился чуть ниже. Нажал на спуск. Отдача оказалась весьма жесткой и болезненной, но он не отрывал приклад от плеча. Затем он быстро отвел скобу затвора точно таким же движением, вниз, как это только что делал Сиплый.

Попал? Там, где только что чернела фигура всадника, взметнулась и опала высокая волна снега. Продолжая глядеть поверх ствола, Степан видел, как бьет ногами упавшая лошадь, как она тянет вбок гибкую шею и снова роняет голову на снег. Рядом с лошадью выросла человеческая фигура. Гончар подвел мушку под нее, выстрелил, передернул затвор и выстрелил снова по тому месту, куда повалился противник. Вскочил, перебежал вперед, упал в снег. Прижимая винтовку к груди, откатился в сторону. Перезарядил и снова прицелился. Он хорошо видел черную куртку, сгорбленную между двумя снежными кочками. Спина оставалась неподвижной, и Гончар тщательно подвел мушку, целясь в снег ниже виднеющегося силуэта, задержал дыхание и выстрелил. Куртка дернулась и больше не двигалась.

«Надо проверить. Иди, проверь», - приказал себе Степан. Ноги не слушались его, но он все же дошел до убитого, опираясь на винтовку, словно старик на клюку.

Напарник Сиплого лежал, неловко подогнув под себя руку. Снег вокруг него уже пропитался кровью.

- Готов, - Степан опустился на четвереньки.

Его вывернуло наизнанку. Одной желчью. Он запихнул в рот обжигающие комья снега, с трудом разжевал и проглотил, и его вырвало еще раз.

Наконец, он смог подняться на ноги. Отломил еловую ветку, откусил кончик и долго жевал хвою. Его еще пошатывало, но он все же нашел в себе силы подобрать обе винтовки и вернуться с ними к стоянке. Он держал их у груди, как держат младенца, потому что у винтовок не было ремней.

Девушка и двое малышей возились над телом Ке Шау Тина. Они с трудом перекатили его на одеяло, расстеленное на снегу, а потом схватились за передние углы и потянули к лесу.

Гончар поставил винтовки у стены вигвама и шагнул к девушке, чтобы помочь ей, но она, не останавливаясь, приказала:

- Делай свое дело.

- Какое дело?

- Забери у белых оружие, деньги и одеяла.

Она произнесла это так деловито и спокойно, словно попросила вынести мусор. И Степану ничего не оставалось, как изображать полное равнодушие, наклоняясь над трупом Сиплого, от которого шел резкий и тяжелый запах крови.

Расстегнув оружейный пояс, Степан вытянул его из-под тяжелого тела. Кобура с револьвером оказалась привязанной к бедру тонким ремешком. Заскорузлый узел не поддавался

окоченевшим пальцам, и Гончар просто разрезал его своим ножом.

Он долго возился с карманами, переворачивая стынущий труп. Еще больше времени потратил он на второго, и не сразу догадался, что надо обыскать еще и седельные сумки, а потом мучился, доставая их из-под убитой лошади. Краем глаза он видел, как малыши с девушкой вернулись за телом старухи и оттащили труп в лес по окровавленному следу. Он нашел в сумках патроны в бумажной упаковке и четыре кожаных мешочка с монетами. В кармане напарника оказалась свернутая в трубку пачка долларов, и Гончар переложил ее к себе в куртку, во внутренний карман, где обычно хранил деньги. Его куртка и джинсы были облеплены красным снегом, но он уже не обращал внимания на кровь. Когда же Степан сложил все трофеи у вигвама, девушка с малышами вернулась из леса.

Она подошла к поникшему костру, над которым висел котел, и подобрала со снега длинную деревянную ложку.

- Иди сюда, - позвала она Степана. – Печень сварилась. Ешь.

Они сидели вместе с детьми вокруг костра и по очереди вылавливали из котла кусочки печени. Степан не ощущал никакого вкуса, но еда наполнила его теплом и силой.

- Надо уходить отсюда, - сказала девушка.

- А что делать с убитыми?

- Мой брат, мой племянник и мать моего мужа - они лежат

вместе с родными и соседями. Брат давно приготовил место для всей семьи. А белых съедят звери и птицы. Если хочешь, можешь похоронить их так, как это у вас принято.

- Нет. Не хочу. Ке Шау Тин был твоим братом?

Она не ответила.

- Извини за дурацкий вопрос, - сказал Степан. – Я просто думал, что ты его дочь.

- Мое имя Ме Сау Бис[3], - сказала она. – Ты можешь называть меня Саби. Когда я работала у белых, хозяйка называла меня Саби.

- А мое имя Степан. Но ты можешь называть меня Стивен.

- Стивен, нам надо уходить.

- Куда мы пойдем? Мне надо на почтовую станцию, там я буду ждать доктора Фарбера.

- Мы проводим тебя до станции.

- А потом? Куда ты отправишься, с маленькими детьми?

- На Верхнее болото или на Красную реку. Там еще могут быть наши родичи. Давай собирать вещи.

- У меня нет вещей.

- Лошадь, оружие, шкуры – теперь это все твое, - она встала, и вместе с ней поднялись со снега оба малыша.

- Нет, - покачал головой Степан. – Шкуры я отдам профессору. А лошадь и оружие – тебе.

- Лошадь я возьму, - согласилась Саби. – Оружие разделим поровну. Если тебе все равно, то я возьму «спринг-

[3] Пух молодого гуся

филд», а винчестер и кольты оставь себе.

- Это у вас называется «разделить поровну»?

Степан Гончар взвесил на ладони мешочки с монетами. Все они показались одинаковыми по весу, а внутрь он даже не стал заглядывать. Один кисет он опустил в карман.

- Деньги мы тоже разделим «поровну», - сказал он, вложив три оставшихся мешочка в руки девушки. - Совсем забыл, я же должен отдать чеки. Один чек за каждую пару шкур. Сколько их там?

Они подошли к серой лошади, которая смирно стояла в сторонке, и пересчитали шкуры, свисавшие из-под седельной сумки. Двенадцать пар. Все с берестяными бирками, на которых были выжжены какие-то линии и фигурки. На другом боку лошади висели еще две связки, в каждой по десять шкур. Все они тоже были с бирками.

- Я знаю, чьи это бобры, - сказала Саби, разглядев рисунки на бирках. – На Верхнем болоте стояла семья Во Гон Бью. Он не мог продать эти связки. Значит, он убит. Значит, мне незачем уходить на Верхнее болото.

Степан вспомнил, о чем говорили убийцы, и спросил:

- Почему они назвали этих бобров золотыми?

- Не знаю.

- Как думаешь, профессор поймет, что тут написано?

- Он поймет, - сказала Саби и напомнила: – Чеки. Двенадцать чеков.

- Здесь больше шкур.

- Моих только двенадцать пар.

Гончар достал блокнот и отсчитал дюжину страниц. Он присел, положил блокнот на колено и складным ножом аккуратно отрезал чеки.

- Хороший нож у тебя, - сказала Саби, пряча листки в рукав. – Такие не продаются в нашей лавке. Я никогда не видела таких. Даже у хозяина, а у него много ножей.

- Извини, я не могу отдать его тебе. Это память.

- Память об умершем родиче?

- Вроде того. Ну, давай сворачивать твои палатки.

- Зачем? – Саби вдруг закашлялась, зажимая руками рот, а потом отвернулась и выплюнула на снег сгусток крови. – Зачем нам палатки? Одной мне не справиться с ними. Не собрать, не поставить. Когда мы их ставили, нас было два десятка. Пять мужчин, десять женщин, три лошади. Теперь я осталась одна. Зачем нам палатки? Когда дойдем до родичей, они дадут нам палатку.

- Как же ты будешь до них добираться? А спать где в дороге?

- Как обычно. На снегу, у костра.

Они навьючили на лошадь два мешка с мясом и нехитрым скарбом, несколько скатанных одеял, а потом помогли забраться в седло малышам. Саби шла впереди, ведя лошадь в поводу. Степан шагал сзади, увешанный оружием. Винчестер Сиплого он держал в руках.

«Как только выйдем из леса, надо будет избавиться от все-

го этого арсенала, - думал Степан Гончар. - Оставлю только дробовик. А с этими стволами я выгляжу как самый натуральный гангстер. Лишь бы не напороться на полицию. От американских ментов не отмазаться. Меня и слушать никто не станет, скрутят и посадят».

Когда они вышли из леса на узкую дорогу, Саби остановилась.

- До станции одна миля, - сказала она, показав рукой направление. – Иди по дороге, и за поворотом увидишь дым над лесом. Прощай, Стивен.

- Почему бы тебе не пойти со мной? – спросил он. – Зачем ночевать на снегу, если рядом есть жилье? У нас есть деньги, мы заплатим за постой. Купим все, что тебе нужно. Мне кажется, что ты больна. Мы вызовем врача. И детям тоже лучше переночевать под крышей. Разве не так?

Она хотела что-то ответить, но закашлялась, и снова выплюнула кровь на снег.

- Ты странный белый, Стивен, - сказала она, обтерев губы рукавом. – Я никогда не слышала такую речь. И никогда не слышала от белого человека таких слов. Прощай.

Она потянула за повод, и послушная лошадь сошла вслед за ней с дороги, уходя все дальше и дальше в лес.

5. По ту сторону времени

Оставшись один, Степан Гончар разложил на снегу все свое оружие: винчестер, дробовик и три револьвера. Надо было бы избавиться от лишнего груза, потому что Степан уже основательно пропотел под тяжестью бобровых шкур. Но он чувствовал, что не может отказаться от таких ценных и красивых вещей.

С дробовиком все ясно. Он так и останется висеть на плече. Но что делать с револьверами?

Три кольта были похожи один на другой, как три брата. Но судьба у этих братьев сложилась по-разному, и это отразилось на их облике.

Револьвер Сиплого отличался изысканной отделкой. Он был иссиня-черным, с перламутровыми вставками на щечках деревянной рукоятки, которая имела на внутреннем изгибе выемки под пальцы. Гончар не удержался и потянул револьвер из черной кобуры. Оружие выскользнуло так легко, словно само прильнуло к ладони. Кольт был тяжелым, но удивительно удобным, и, вытянув руку, Степан смог оценить его великолепную балансировку. Его немного удивило, что на стволе не оказалось мушки. Приглядевшись, он обнаружил у самого дульного среза едва заметный светлый след. Мушка была спилена, по всей видимости, для того, чтобы

можно было носить револьвер в кармане или за поясом, и выхватывать, не боясь, что ствол зацепится за одежду. А прицеливаться на близком расстоянии можно и по стволу.

Нет, такое изысканное оружие Гончар не мог выбросить в глухом лесу. Он нацепил пояс обратно и обмотал шнурок вокруг бедра, чтобы кобура плотно прилегала к ноге.

Напарник Сиплого, Гомес, оставил после себя два потертых до блеска револьвера с длинными стволами, нелепыми кургузыми курками и потеками ржавчины в выемках барабанов. Рукоятка старого кольта была отделана какой-то липкой резиной, и Гончар взялся за нее, преодолевая отвращение. Но оказалось, что револьвер плотно сидит в ладони, а подпиленный курок очень удобно взводить большим пальцем. Похоже, что все в этой конструкции рассчитано на мощный патрон. Резина погасит жесткую отдачу, а прицельное устройство позволит вести меткий огонь на большой дистанции. Разве мог Степан отказаться от такого преимущества? Он вздохнул и связал обе кобуры Гомеса поясом, а потом, вместе со связками бобровых шкур, перекинул через плечо. По крайней мере, теперь избыток вооружений не будет бросаться в глаза каждому встречному.

Ну, а что прикажете делать с винчестером? Семь бед, один ответ, решил Степан и зашагал дальше по дороге, сгибаясь под тяжестью груза и держа винчестер в руках.

Оглянувшись, он различил за редкими деревьями силуэт лошади. Ему показалось странным, что девушка, так ре-

шительно направившись в лес, успела отойти совсем недалеко. Он пригляделся и увидел, что лошадь стоит на месте. Две маленькие фигурки возвышались над седлом. Но Саби не было видно.

Гончар стоял и смотрел на лошадь за деревьями. В воздухе закружился мелкий снег, и за его дрожащей сеткой уже трудно было разглядеть что-нибудь. Но темное бесформенное пятно оставалось неподвижным.

«Как я мог отпустить ее, больную, с детьми? - подумал Степан. - Никогда не надо слушать женщин, ни русских, ни индейских. Придется возвращаться».

Пробравшись к стоящей лошади, он не сразу заметил девушку. Саби лежала за кустом, на боку, пытаясь подняться. Но ее рука бессильно подломилась, и Степану пришлось опуститься перед ней на колени, чтобы подхватить на руки и поднять.

Она оказалась легче, чем он ожидал.

- Ну, далеко ты ушла без меня? – укоризненно спросил он. – Всегда слушай, что говорят старшие. В седле удержишься?

Опираясь на него, она забралась в седло. Один малыш уселся перед ней, а другой – сзади, вцепившись в ее балахон. Лошадь терпеливо стояла, не шелохнувшись, пока седоки устраивались. Но, как только Степан взялся за повод, фыркнула и тряхнула головой, пытаясь вырвать узду из его рук.

- Поговори у меня еще! – прикрикнул на нее Гончар. – В

глаз хочешь?

Чисто русская фраза оказалась вполне правильно понята, и лошадь пошла за новым хозяином так же послушно, как шла за всеми предыдущими.

Почтовая станция представляла собой три бревенчатых дома и два высоких сарая. Над дверью одного дома красовалась доска с выжженной надписью «Почта. Западный Союз телеграфистов. Небраска». Узкие окошки были прикрыты железными решетками.

Степан поднялся на крыльцо и постучал в дверь, сколоченную из толстых досок. В соседнем окне заскрипела, поднимаясь, рама, и из-за решетки послышался голос:

- Ты кто такой?

- Я работаю на доктора Фарбера.

- Ну и что?

- Он сказал, чтобы я ждал его на почтовой станции.

- Минутку.

Минутка длилась минут десять. Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел мужчина с щегольскими усиками, в черной рубашке с пестрым широким галстуком. Под желтым кожаным жилетом виднелись сразу два пояса с патронами и рукоятка револьвера.

- Доктор Фарбер еще не приехал, – сказал он, оглядывая Степана и держа руку на кобуре. – Ты один?

«Ничего себе телеграфист», - подумал Степан и кивнул.

Из дома послышался другой голос:

- Кто там, Патрик?

- Траппер[4] Фарбера! – крикнул, полуобернувшись, щеголь в желтом жилете. – Я его едва разглядел под шкурами. Думал, медведь к нам пожаловал. А это, оказывается, траппер.

- Ну их всех к черту! – послышалось из глубины дома. – И так дышать нечем.

- Доктор Фарбер еще не приехал, - подчеркнуто вежливо произнес щеголь. – Вам, мистер, придется подождать его в трактире. К моему глубочайшему сожалению, наш офис не в состоянии вместить всех работников знаменитого доктора Фарбера. Но вы, конечно, можете оставить товар под нашей охраной.

- Спасибо, - сказал Гончар, - но у меня есть охрана.

- О, я вижу.

Телеграфист насмешливо развел руки, и дверь захлопнулась.

Степан увидел, что Саби пытается слезть с лошади, и подставил ей свои руки.

- Мы будем в конюшне, - сказала она. – Я не хочу в трактир заходить. Иди один, договорись с хозяином о ночлеге.

- Что за дела, - разозлился Степан. – Пойдем вместе, тебе надо скорее лечь в теплую постель.

- Сначала надо устроить лошадь. А в дом я не пойду. Договорись с хозяином. Мы переночуем в конюшне наверху, на сене.

---

[4] траппер – охотник, добывающий дичь с помощью капканов и силков

- Нет. Ты будешь спать в комнате, под теплым одеялом. И тебе нужна горячая еда. И не спорь со мной.

- Я не спорю. Стивен, я не первый раз здесь. Мы всегда ночуем в конюшне. Там хорошо, там есть печка. Спасибо, что помог добраться. Но теперь – оставь меня. Мне надо накормить лошадь и детей.

Она повела лошадь к высокому сараю, а мальчишки сами сползли и шагали теперь рядом, как два гномика в своих длинных балахонах с остроконечными капюшонами.

«Вот же упрямая баба», - подумал Гончар. Он перешел дорогу, направляясь к соседнему дому, двухэтажному, с длинным навесом вдоль фасада.

Через закрытые двери трактира сочился аппетитный дух жареного мяса. Степан вошел в полутемное безлюдное помещение, огляделся и наконец-то снял с плеча тяжелую связку шкур. Он уложил меха на лавку, дробовик повесил на спинку стула и сел к столу, держа винчестер на коленях. От буфетной стойки на него уже надвигался необычно широкий человек в зеленом фартуке поверх клетчатой рубашки. Рукава были закатаны до самых плеч, обнажая толстые волосатые руки. Обритая голова с выпуклым лбом вполне годилась для того, чтобы сносить ветхие кирпичные стены.

- У нас тут не форт Аламо[5], - проговорил трактирщик, и голос у него оказался неожиданно высоким, хотя его ком-

[5] Форт Аламо – крепость в Техасе, прославившаяся героической обороной во время войны с Мексикой

плекции скорее подошел бы бас, а не тенор. – Стволы в угол, если надеешься пожрать.

- Понял, извини, - улыбнулся Степан и положил ружья поверх своих бобров.

- Э, нет. В угол! - И толстый, как сарделька, палец, указал на дощатый шкаф, где стояли две винтовки и висели пояса с патронами.

Гончар вставил винчестер и дробовик в свободные гнезда и повесил патронташ на крючок.

- Вот так, - кивнул трактирщик. - Есть пара остывших куропаток. Жарил для «желтых жилетов», да они не пришли к обеду. Будешь?

- Буду. Хорошо бы еще кофе.

- Это сколько угодно. Овес или сено?

Степан почесал затылок. Он лихорадочно перебирал в памяти американский жаргон, пытаясь понять, какое блюдо могут называть в Небраске «овсом», а какое - «сеном». Но трактирщик не дождался его ответа и махнул рукой:

- Не гадай, все равно овса не дам. Сена своей кляче навалишь сам, потом рассчитаемся. Что за индейский выводок с тобой?

Степан задумался, стоит ли рассказывать о случившемся. Но трактирщик понял его молчание по-своему и сказал:

- Извини, братец. Я не додумался, что это твоя женщина. Ясное дело, хороший траппер всегда обзаведется местной хозяйкой на сезон. Если хочешь устроить их на сеновале, я

дам еще одеял. Но там тепло.

- Я хочу их устроить вместе с собой.

- Понятно. Тогда - в угловом номере. У меня сегодня все комнаты свободны. Но вам будет лучше в угловом. Отнеси свое барахло наверх, пока я разогрею куропаток. Нечего людей смущать.

- Сначала поем. Потом отнесу.

- Не доверяешь? – Трактирщик укоризненно ворчал, протирая тряпкой стол. – Ясное дело. Все вы, трапперы, одинаковы. Трясетесь над своими мехами, словно квочки над цыплятами. Можно подумать, вы неделями гоняетесь за каждым бобром. А если разобраться, то ведь вам и делать-то ничего не надо. Расставил капканы, а потом ходи да вынимай. Никакого труда, а деньги дерете безумные. Я слышал, в больших городах одна шкура идет за десятку. Не врут?

- Не знаю, - ответил Степан. – Я не бываю в больших городах.

- Ясное дело. Небось, боишься увидеть свои портреты на каждом углу?

Трактирщик подошел к стене и смахнул своей тряпкой невидимые пылинки с двух плакатов, которые Гончар поначалу принял за рекламу. Плакаты сообщали о розыске опасных преступников и обещали по тысяче долларов за их поимку. Сэм Басс и Джессе Джеймс выглядели на снимках немного озадаченными и вполне безобидными. Трудно было поверить, что они, как сообщали плакаты, «грабят дилижан-

сы и банки, хладнокровно убивая всех, кто им сопротивляется».

- Картинки свежие, только-только от шерифа. Старые я выбрасываю, когда узнаю, что деньги уже выплачены. Некоторые хранят извещения, вроде на память, но мне старья не нужно. Зачем мне портреты покойников? А вот если эти парни заглянут ко мне, им будет приятно увидеть свои физиономии. Лично я не имею ничего против таких ребят. На дилижансах я не раскатываю, золото в банк не сдаю, мне от Сэма или братьев Джеймс никакого вреда. Имей в виду, когда «желтые жилеты» получат твой портрет, я его тоже сюда повешу, рядом. И люди будут ходить сюда немного чаще, чтобы полюбоваться моей галереей. И моя выручка хоть немного, да подрастет.

- На мой портрет не рассчитывай, - предупредил Степан. – Я не граблю дилижансы.

- А мне плевать, кого ты там грабишь. Ты заказал жратву, остальное меня не касается.

Насмешливо бормоча что-то под нос, здоровяк удалился на кухню, а Гончар принялся разглядывать плакаты внимательнее, чем до того. Он даже встал из-за стола и подошел поближе, чтобы убедиться в том, что правильно разобрал цифры. И от этих цифр ему сразу пришлось снова опуститься на стул.

Розыскные извещения были отпечатаны в типографии Миннеаполиса в 1875 году. Они выглядели как совсем но-

вые.

Они и были совсем новыми.

Мало ли что можно отпечатать в типографии? Гончар вспомнил, что у него есть и другая возможность определиться во времени. Он выхватил свои доллары из кармана и поднес к глазам. На всех зеленых бумажках стоял год выпуска – 1863.

«А вот это уже не отпечатаешь в Миннеаполисе», - подумал Степан, машинально пытаясь нащупать магнитную полоску. Ее не было. И не могло быть.

- Хлеба тебе надо? – крикнул трактирщик.

«Ничего мне не надо», - хотел ответить Степан, оглушенный своим открытием.

Впрочем, шок прошел довольно быстро. Ведь открытие не было таким уж неожиданным. К этому все шло. Туман, перевал, ночной дилижанс. Живые индейцы, мертвые индейцы. Бандиты, револьверы… Все можно было понять гораздо раньше, и без подсказок.

- Да, - твердо сказал Степан. – Хлеба побольше.

Он снова поднес к глазам мятую банкноту. Почему он сразу не заподозрил неладное, как только впервые увидел эти доллары? Они даже по цвету отличаются от настоящих. Стоп. Какие доллары теперь надо считать настоящими? И как они выглядят, те, другие доллары из прошлой жизни? Вроде бы они помельче, пожестче – или нет? Да и рисунок, похоже, не такой. Почему он сразу, еще на индейской стоян-

ке, не увидел, что эти бумажки – из позапрошлого века?!

«Да очень просто! Потому что тогда, на стоянке, я сам был из позапрошлого века, - понял Степан Гончар. - Потому что в меня стреляли, и я стрелял. Меня хотели убить, но я убил первым. Убил, не задумавшись даже на миг. Потому что тогда я был – не я. А сейчас? Кто я сейчас? Степан Гончар или Стивен Питерс?»

Он подошел к умывальнику и посмотрелся в мутное зеркало. Ощупал светлую щетину на подбородке. Вроде бы никаких перемен.

«Значит, переброска во времени не изменяет человека, - решил Степан. - Изменяется содержимое его карманов. Вот почему я остался без часов и телефона. Их не было в 1875 году. А я, значит, был?»

Снова вернулся за стол, вертя в руках многострадальную банкноту.

«Ну что ты вылупился на свой несчастный доллар? Денег, что ли не видел? Баксы как баксы. Хорошо, что они есть. Плохо, что их так мало. Кстати, а сколько их? Ну вот, всего полторы сотни».

Тут он вспомнил про кожаный кисет с монетами, достал его и развязал. Золотые и серебряные доллары с мягким звоном высыпались на стол.

- Да ты богач, - сказал трактирщик, нависая над столом с подносом в руках.

- Это не мои деньги. Точнее, не все они мои, - Степан ото-

двинул в сторону самую маленькую золотую монету. – Например, вот этот доллар – уже твой.

- Приятно, когда клиент расплачивается не бумажками, а золотом. Но, может быть, ты все же освободишь место для тарелки?

Наверно, блеск золота прибавил Степану аппетита, потому что никогда еще он не ел с таким кайфом. Когда от обеих куропаток осталась только горка косточек, Гончар откинулся на спинку стула и спросил:

- И всегда у тебя так многолюдно?

Трактирщик поставил перед ним кофейник:

- Свои шуточки, братец, прибереги для доктора Фарбера. Он записывает всякий бред. А что касается моего заведения, то в обычные дни тут не протолкнешься, и я даже нанимаю помощников на кухню. Сегодня просто день такой неудачный.

- Ночью на перевале был сильный туман, - сказал Степан. – Может быть, твои клиенты застряли в дороге?

- Мои клиенты попрятались, как суслики по норкам. Никто не хочет неприятностей. В округе шатается отчаянная компания. Слышал про Фрэнка Юдла?

- Еще нет, но, кажется, сейчас услышу. Могу я угостить тебя чем-нибудь крепче, чем кофе?

- Ясное дело, - трактирщик подмигнул и через минуту вернулся к столу с бутылкой и парой стаканчиков.

- Ты можешь звать меня Эрни, - представился он, разли-

вая пахучий самогон.

- А я - Стивен Питерс.

- Давно болтаешься по Западу?

- Нет. Недавно.

- Я так и понял, что ты с Востока. И одет ты не по-нашему, как моряк. И говоришь, как голландец. Похоже, ты еще не понял, куда попал. Как тебе тут нравится, на Западе?

- Запад есть Запад, Восток есть Восток, - глубокомысленно ответил Гончар.

- Так вот, Стив. Раз уж тебя занесло ко мне в такой день, то тебе не помешает знать кое-что. - Эрни залпом опорожнил свою стопку и, не дожидаясь предложения, снова наполнил. - Когда живешь на границе, мимо твоего дома проходят разные люди, и не каждого из них можно пускать под свою крышу. Фрэнк Юдл как раз из таких. Говорят, он натворил немало такого, что ему лучше не оставаться в Штатах. Вот он и удирает за границу. И по дороге прихватывает все, что ему может пригодиться на новом месте. Поэтому все мои постояльцы живо смылись отсюда. Ты же видел, в конюшне ни одной лошади. Фрэнк заберет последнюю курицу, если она попадется ему на глаза. Но у меня все в порядке. Ни лошадей, ни куриц. Если он попросит бочонок рома, я отдам ему, не задумываясь. И не потому, что боюсь Фрэнка. А просто потому, что один несчастный бочонок не стоит того, чтобы из-за него устраивать битву при Геттисберге[6].

---

[6] Геттисберг – место одного из решающих сражений в годы Гражданской войны

- А два бочонка?

- А вот за два я уже могу и завалить, - спокойно ответил Эрни. – Потому что у меня их всего-то два и осталось. Отдам – нечем торговать. Нечем торговать – нечего жрать. Все очень просто. Вот я и говорю, что тебе лучше бы убрать свои шкуры, пока они никому не намозолили глаза. Мой бизнес – ром, твой – шкуры. Береги свой бизнес, Стиви.

1861-1865.

6. Краткий курс истории

Трактирщик Эрни был уверен, что в бутылке находится подлинный скотч. Гончар не стал его разубеждать, но и пить не решился. Он только подносил стаканчик ко рту, чтобы смочить губы, и внимательно слушал рассказы Эрни о жизни на границе.

Оказывается, в десятке миль к западу заканчивались владения Соединенных Штатов, и начиналась индейская территория, которую называли Дакотой. Здесь, в Штатах, царила цивилизация, здесь люди привыкли к закону и порядку. Но стоило отойти на десять миль от трактира, как люди начинали заботиться лишь о том, чтобы посылать свои пули в правильном направлении и в нужный момент. А покойников там хоронили только тогда, когда смрад их разложения мог помешать послеобеденному отдыху окружающих.

Курица-несушка на Территории стоила столько же, сколько лошадь. Если в каком-нибудь поселке появлялась женщина, то старатели проделывали путь в полсотни миль, чтобы только посмотреть на нее. Загноившийся палец отстригали, пока не началась гангрена, а рану прижигали об раскаленный клюв кирки. А те смельчаки, кто начинал разрабатывать жилу в резервации сиу, обычно теряли не только инструмент и имущество, но и кожу с большей части тела.

Жизнь на Территории имела и другие неудобства, но только там можно было быстро разбогатеть. Никто не мешал человеку объявить любой участок земли своей собственностью. И никто не указывал новому хозяину, как распоряжаться своей землей. Он мог засеять поле пшеницей до самого горизонта, нанять сотню батраков и завалить зерном все амбары в соседней Небраске. Но для этого нужен был хоть какой-то начальный капиталец. Поэтому большинство предпочитало просто ковыряться на участке с киркой и промывочным лотком, целыми сутками стоя по колено в воде. Через год-другой пшеница переставала расти, а золото на участке заканчивалось, но никто не мешал человеку перебраться еще дальше вглубь Территории.

Впрочем, были за границей и другие способы обогащения. По землям индейцев пролегали караванные пути. Лет тридцать назад целые армии иммигрантов пересекали континент от Атлантики до Тихого океана, мечтая добраться до благословенной Калифорнии или процветающего Ванкувера. Сейчас по этим трассам пролетали почтовые дилижансы, которые везли золотой песок в одну сторону и деньги – в другую. Такая система перевозок заметно облегчала жизнь налетчикам. Им не надо было ломать голову, замышляя ограбление. В каком направлении ни катил бы дилижанс, он всегда представлял собой ценную добычу.

И ради этой добычи многие отчаянные парни покидали свои фермы в Айове и Миссури. Кто-то хотел расплатиться

с карточными долгами, кому-то не хватало тысчонки на новую ферму, а кто-то просто увязывался вслед за приятелями, чтобы не краснеть потом перед девушками.

- Но шайка Фрэнка Юдла – это тебе не сельские голодранцы, - с некоторой гордостью сказал Эрни. – Сам он – ветеран войны, служил в снайперской дивизии полковника Бердана. И собрались вокруг него такие же тертые ребята. Все – стрелки высшего класса. Есть у него такой Гомес по прозвищу «Циркач». Так тот из «спрингфилда» гасит свечку на ста шагах. Что скажешь на это, Стиви?

Степан Гончар вспомнил, как обыскивал убитого напарника Сиплого, и скромно ответил:

- Скажу, что гасят и не таких, как этот Гомес.

Трактирщик хмыкнул, качая головой.

- Ясное дело, на всякого стрелка отлита своя пуля. Но пока на мушкете «циркача» появляются всё новые зарубки.

- На каком еще мушкете? – переспросил Гончар. – Видел я этого Гомеса. Винтовка у него самая обычная. Мушкет – это такое старинное ружье, с кремневым замком, с раструбом, тяжеленное, стрелять приходилось с подставки…

- Это у вас, у голландцев, такие мушкеты. А мы так называем «спрингфилд», - снисходительно пояснил трактирщик. – Эти винтовки раньше заряжались с дула. Потом, когда были придуманы патроны, на «спрингфилд» приделали затвор. Получилась отличная армейская винтовка. С точным боем, с мощным зарядом. Бьет на тысячу шагов. Залпом можно де-

рево срезать. Видал я, как…

Он не договорил и, резко поднявшись, шагнул к окну.

- Заболтались мы с тобой, Стиви, - озабоченно проговорил он. – Вот и гости. Сиди спокойно. И помни, о чем я рассказывал.

Гостей было всего лишь четверо, но когда они шумно ввалились, в трактире стало тесно. Рассевшись вокруг длинного стола посреди зала, они продолжали свой спор, начатый еще в пути.

- Да быть такого не может! – горячился один, с длинной рыжей бородой, в меховой шапке со свисающим полосатым хвостиком. – Чтобы Сиплый бросил команду и смылся? Куда он пойдет один, сам подумай! Нет, Капрал, зря ты наговариваешь на Сиплого.

- Он давно собирался вернуться домой, - отвечал гладко выбритый человек в синей военной куртке с двумя рядами блестящих пуговиц. Его черные волосы были расчесаны на прямой пробор, а синюю шляпу с кокардой он бросил на стол. – Я сам слышал, как он ночью расписывал Гомесу, какая у него роскошная ферма в Алабаме, просто поместье аристократа.

- Да разве он из Алабамы? Он же северянин! Служил в одной роте с Фрэнком!

- Я могу назвать тебе дюжину знакомых северян, которые после войны обзавелись землей на Юге, - отмахнулся Капрал.

Пока спорщики препирались, двое их спутников подошли к буфетной стойке. Они были в длинных кожаных плащах, шляпах с опущенными полями, и шпоры на их сапогах звенели малиновым звоном.

- Налей-ка нам, Эрни, чего-нибудь, чтоб освежиться с дороги.

- Стволы в угол, - напомнил трактирщик, выстраивая ряд из четырех стопок и водя над ними бутылкой.

- Знаем мы твои порядки, - засмеялись гости, и один из них сгреб все винтовки, чтобы расставить в оружейном шкафу.

- Ого, да здесь знакомое ружьишко! Эрни, к тебе, как видно, заглянул сам Гарри Хук? Это ж его «паркер». Не думаю, что во всей Небраске найдется второй такой дробовик. И патроны его, точно. Вот эти, с красным кольцом, набиты картечью. Зануда Гарри каждую картечину надпиливает крестнакрест. Говорит, чтоб наверняка валила.

- Делать ему нечего, - проворчал рыжебородый. – Целиться надо точнее, а не ловчить.

- Да он ведь почти слепой, потому и ходит с дробовиком, - сказал Капрал. – И никогда не ездит один. Где Гарри, там и Дуглас Бакстер.

- Что они тут делают, Эрни?

Трактирщик пожал плечами:

- Их здесь нет.

Все четверо одновременно повернулись к Степану.

- Эй, моряк! Это твой ствол, выходит?

Степан Гончар оторвал взгляд от своей стопки и оглядел гостей.

- Этот дробовик принес сюда я, - медленно сказал он. – Гарри Хук придет за ним. Если вы хотите его увидеть, джентльмены, вам придется подождать его здесь.

Гости переглянулись.

- Не думаю, что Гарри кинется в мои объятия, - сказал Капрал. – В прошлом году мы расстались с ним довольно холодно.

- Холодно? Да вас еле разняли! – заржал рыжебородый. - Послушай, моряк, зря ты связался с этой парочкой. Они вечно нарываются на неприятности. Ты ведь не из таких, я же вижу. Сидишь спокойно в кабаке, пропускаешь стаканчик за стаканчиком, и не суешь свой нос в чужие дела. Верно? А Гарри с Дугласом вечно лезут, куда не просят. Ты ведь не такой?

- Я не лезу в чужие дела, - согласился Степан.

Трактирщик Эрни постучал ложкой по сковороде:

- Похоже, что вы не слишком голодны. Но если надумаете пожрать, то рассчитывайте только на бекон с фасолью.

- Можно и подкрепиться, - сказал Капрал. – Время у нас есть, отчего бы не перекусить. А почему почта заперта?

- Откуда мне знать, - буркнул Эрни.

- Заперлись и не выглядывают, - насмешливо говорил Капрал, стоя у окна и растирая ладони. – Может быть, их кто-

то напугал? Почему они даже ставни опустили, Эрни?

- Пускай делают, что хотят, меня это не касается. - Трактирщик частыми ударами шинковал лук на доске. – Я в их сторону даже не смотрю. Пускай хоть в землю зароются, я и не замечу, пока прохожие не скажут.

Степану очень хотелось выбраться из-за стола и подняться наверх, к своему угловому номеру. Он жалел, что не сделал этого раньше. Лихая четверка то и дело поглядывала на связки бобровых шкур, лежавшие на лавке у стены, и от этих взглядов Степану становилось все тяжелее на сердце.

«Нет, нет, пока не стоит волноваться. Если это и в самом деле бандиты Фрэнка Юдла, то они собираются двигать за границу. Там они спокойно займутся привычным делом – будут грабить и убивать. Следовательно, им незачем тащить с собой тяжелые шкуры. Что с ними делать на Территории Дакота? Меха надо везти совсем в другую сторону. Например, в Нью-Йорк или Чикаго, или, на худой конец, в Миннеаполис, где есть такая замечательная типография. Меха ценятся в больших городах, а Фрэнк Юдл предпочитает безлюдные просторы. Нет, эти парни не тронут моих бобров», - успокаивал себя Степан Гончар.

Тем временем гости затеяли новый спор, на этот раз о решении земельного вопроса. Все земли к западу от Миссисипи рыжебородый предлагал поделить на равные квадраты и закрепить за каждым гражданином Соединенных Штатов, будь он хоть чикагцем, хоть бостонцем. Сегодня на этих

участках никто не живет, но со временем в Америку понаедут новые иммигранты. Чтобы не стеснять коренных жителей американских городов, любой приезжий сможет арендовать у любого американца свободный участок на Западе. Скажем, на 99 лет, с правом последующего выкупа. Не пройдет и двадцати лет, как все мы станем миллионерами, и для этого даже не придется задницу от кресла отрывать, доказывал рыжебородый.

Но Капрал считал, что этот замечательный проект никогда не осуществится. Причин тому было много. Например, никто точно не знал, какие, собственно говоря, «земли» находятся между Миссисипи и Тихим океаном. Никого не удивило бы, если б там обнаружились племена людей с собачьими головами или стада драконов. Никто не знал, какие сокровища могут хранить в себе эти земли. Сдать их в аренду – а вдруг там золото лежит на поверхности?

Да и в федеральном правительстве сидят деловые ребята. Уж они-то свою выгоду не упустят. Совершенно незачем дарить землю каждому городскому пьянице, чтобы он стал миллионером. Гораздо справедливее самим присвоить все эти угодья, объявив их государственной собственностью. А если краснокожие будут возражать, то мы их внимательно выслушаем и торжественно заключим новый договор о границе. Бумагу для этого договора надо будет подобрать самую тонкую и нежную, чтобы приятнее было подтираться.

Бекон с фасолью ненадолго отвлек собеседников от глу-

бокомысленной беседы. Под их чавканье и перестук ложек Степан встал из-за стола и подошел к стойке.

- Пойду, проведаю свой выводок. Бутылку я прихвачу в номер, не возражаешь? – спросил он у Эрни. – Чтобы крепче спалось.

- Погоди, моряк! – позвал его Капрал, вытирая губы куском хлеба. – Есть разговор.

- Слушаю, - Степан повернулся к нему, опустив руки на пряжку ремня.

- У нас тут не так много развлечений. И мы не можем отпустить нового человека без того, чтоб сыграть с ним в карты. Ты же не откажешь нам в таком маленьком удовольствии? Просто покер, с детскими ставками. Согласен? Только не говори, что не играешь. Если ты моряк, значит игрок. А если не моряк, то откуда твоя куртка? Ты явно выиграл ее в карты у моряка, а значит, ты дважды игрок.

Капрал говорил, приветливо улыбаясь, но смотрел не в глаза Степану, а на его руки.

«Он боится меня, - понял Гончар. - Они все боятся меня. Им виден кольт в кобуре, и они не знают, что еще может скрываться под курткой. Здесь принято бояться незнакомцев».

Отказываться от безобидного предложения было глупо. В покер Степан играть умел, хотя предпочитал преферанс. Никаких других занятий во время ожидания доктора Фарбера не предвиделось. Сыграть в карты стоило хотя бы ради того,

чтобы не свихнуться со скуки и не забивать башку бессмысленными вопросами.

- Я не игрок, - сказал он, - но почему бы не посидеть с приличной компанией? Во что тут у вас играют – «с прикупом» или «открытый»?

7. Карты, деньги и стволы в углу

У игры есть правила, а у игроков – традиции. Трактирщик Эрни, как хозяин заведения, взял на себя труд ознакомить мистера Питерса с местными традициями и напомнить общепринятые правила.

Первым делом договорились играть до шести часов вечера. С последним ударом настенных часов игра останавливается, и все раскрывают свои карты. Гончар счел такую традицию вполне разумной. Потому что больше всего в карточных играх его раздражала бесконечность реванша.

Играть здесь было принято двумя колодами, с черной и с красной рубашкой. Это тоже понравилось Степану, потому что, пока одна колода находилась в игре, другая тасовалась и готовилась к следующей сдаче.

Карты в заведении Эрни были широкие, специально предназначенные для покера. Имелись и запасные колоды, но мистера Питерса предупредили: если он потребует сменить карты, то ему придется доплатить. Предупредили и о том, что в колоде нет джокера.

Как и ожидал Степан, банкиром назначили Капрала. Эрни выдал всем игрокам по набору фишек – десять белых, четыре красных и две синие, – и игра началась.

Однако начало получилось не совсем обычным. Пока Ка-

прал тасовал колоду, Эрни обошел игральный стол с большим подносом, и все игроки выложили на этот поднос свои револьверы. На кольт Степана никто не обратил особого внимания, потому что взгляды участников были прикованы к ловким пальцам Капрала.

- Итак, покер с прикупом, без свободных карт, - сухо объявил банкир и положил на середину стола белую фишку.

Все игроки последовали его примеру, правда, мистер Питерс немного замешкался.

- Не знаю, как вы, а я бы хотел знать цену ставки, - сказал Степан. – Сколько стоит белая фишка?

- Полагаю, что всех нас устроит обычная ставка. Доллар. Красная фишка стоит пятерку, а синяя – десятку. Сумма – пятьдесят долларов. Устраивает такой расклад? Понимаю, моряк, такая цифра может показаться слишком высокой. Но мы уж так привыкли. Удобно рассчитываться.

Рискнуть полусотней долларов? Почему бы и нет. Да и партнеры явно не стали бы затевать игру ради того, чтобы вытянуть из незнакомца такую незначительную сумму.

- Мне нравятся ваши порядки, - сказал Степан Гончар. – Когда вернусь к себе, буду играть по-вашему.

- А как играют у вас? – спросил Эрни.

Степан попытался вспомнить, когда в последний раз ему довелось играть в покер – и не смог. Он только помнил, что не было никаких фишек, и все было гораздо проще, и играли не на зеленом сукне, а на стекле канцелярского стола,

и под стеклом лежали какие-то графики, календари, прочие бумажки... Да, тогда все было проще, перед каждым лежали деньги, и карты были старые, замусоленные, с белыми изломами на рубашке, и все знали, что у дамы пик слегка надорванный уголок… Все было не так, как здесь. В заведении Эрни обстановка была гораздо более респектабельной, чем там, где в последний раз играл Степан. Хотя там за окнами сверкал огнями огромный город, а здесь во все стороны простирались глухие леса и заснеженные болота. И в прошлый раз его партнерами были люди в дорогих костюмах, благоухающие тонкими ароматами французской туалетной воды. А здесь напротив него сидели бородатые и длинноволосые субъекты уголовного вида, в грязных плащах, в потертых кожаных жилетах, и от них исходил крепкий дух пота, кожи и табачного перегара. Наверно, как раз поэтому здесь и требовалась та респектабельная обстановка, которую создавал Эрни своими фишками, чистенькими картами и зеленым сукном игрального стола. Благородная игра уравновешивала окружающую дикость.

- У нас играют проще. По сравнению с твоим заведением, Эрни, мы – просто дикари. Мне больше нравятся ваши порядки, - уверенно сказал Степан Гончар.

- Честная игра всем нравится, - сказал Капрал.

- Ну, моряк, посмотрим, как ты будешь рассуждать после шести вечера, - засмеялся рыжебородый.

Игра на деньги – дело серьезное. Здесь нет места обычным

шуточкам и пустым разговорам. Поэтому казалось вполне естественным, что над игральным столом повисла напряженная тишина, прерываемая только шелестом карт и короткими репликами.

Однако Степан Гончар быстро заметил, что его партнеры не проявляют ни малейшего азарта. Никто из них даже не пытался блефовать. Тасуя колоду, сдающий рассеянно поглядывал по сторонам, и чаще всего его взгляд задерживался на окнах.

Поначалу Степану не везло, потом стайка фишек под его рукой выросла чуть ли не вдвое, но быстро поредела. Капрал продолжал бесстрастно комментировать ход игры, а его спутники все так же равнодушно ставили, прикупали, пасовали и открывались. Казалось, их совершенно не интересует результат.

Возможно, так оно и было. Возможно, им и в самом деле был важен сам процесс игры. Или же они просто убивали время.

- Так значит, ты с Востока, моряк? – спросил Капрал, в очередной раз тасуя колоду, пока его сосед раздавал карты. – Не из Бостона?

- Был я в Бостоне.

- А родом откуда?

- Какая разница, - вежливо улыбнулся Степан, разглядывая свои карты – тройку королей и пару десяток.

- Разница в том, что некоторые любят встретить земля-

ка на чужбине. А другие, наоборот, стараются держаться от земляков подальше, - философски заметил Капрал.

- Здесь я еще не встречал земляков, - Степан ждал, пока его сосед сделает ставку.

Но молчаливый партнер вдруг положил карты на стол и поднялся:

- Я выхожу. Не везет мне сегодня.

Он отошел к окну, звеня шпорами, и остановился там, заложив руки за спину.

- Удваиваю, - сказал Степан, бросая свои фишки на середину.

- Ответил.

- Я тоже.

Степан рассчитывал значительно увеличить банк, потому что был уверен в своих картах. Но ему не удалось выиграть в этот раз.

- Фургон приехал, - объявил тот, кто стоял у окна. – Я, пожалуй, отведу наших лошадей за дом. Надо бы освободить место.

- Почему бы вам не устроить их на конюшне? – предложил Эрни из-за стойки.

- Мы скоро поедем, пусть стоят под седлом, - ответил рыжебородый. – Только пусть они стоят за домом.

- Вот что, моряк, - сказал Капрал, неожиданно бросив свои карты. – Ты уж извини, но играть мы больше не можем. Нам делом надо заниматься. Спасибо тебе за компа-

нию. Поднимайся к себе в комнату и постарайся заснуть. Возьми с собой виски, чтобы спалось крепче.

Рыжебородый хлопнул ладонью по столу:

- Опять ты решаешь за всех нас, Капрал! Пусть моряк останется здесь. Он парень умный, он не будет мешаться под ногами. А из своей комнатки он может удрать через окно. Напьется виски, померещится ему что-нибудь с перепою, он и побежит в город. Или ты собираешься привязать его к койке?

Степан Гончар переводил взгляд с одного на другого, а они спорили, словно его тут и не было.

- Никуда он не побежит! Не может же он бросить все свои меха внизу!

- По пьяному делу и не такое барахло бросают! Пускай сидит здесь!

- Нет, Фрэнку не нужны тут лишние зрители!

- А он отвернется!

«Значит, весь этот спектакль с покером был затеян только для того, чтобы под благовидным предлогом обезоружить меня, - думал Степан, с безучастным видом тасуя ненужные карты. - Бандиты что-то затеяли, а я им мог помешать. Спасибо, что не грохнули без лишних слов. Впрочем, все только начинается. Интересно, а трактирщик, Эрни, он-то здесь на каких ролях? Непохоже, что он с ними заодно».

Трактирщик Эрни возвышался над стойкой, невозмутимо натирая полотенцем бокалы. Он прервал спор, своим высо-

ким голосом подозвав Степана:

- Мистер Питерс! Я вижу, вы уже вышли из игры. Не могли бы вы мне помочь? Хочу переставить тут кое-что на кухне.

Капрал хлопнул рыжебородого по плечу.

- Вот и решение! Моряк посидит на кухне вместе с Эрни.

«Интересно, - подумал Степан, – как они собираются меня заставить…» Он не успел даже додумать свою мысль до точки, как получил недвусмысленный ответ. Капрал достал из-за спины короткоствольный револьвер и с его помощью указал Степану направление движения.

- Шагай на кухню, моряк. Сиди там и не высовывайся, пока мы не позовем.

- Честная игра, - усмехнулся Гончар.

- Честная, но немного другая, - сказал Капрал.

Степан обогнул стойку и, пригнувшись, вошел в тесную кухню, где на длинной плите стояли блестящие медные кастрюли, а под разделочным столом теснились коробки и холщовые мешки. Трактирщик сидел на корточках у жерла печки, помешивая внутри длинной кочергой, и его выпуклый высокий лоб блестел в оранжевых отсветах пламени. Степан сел на трехногую табуретку в уголке и поджал ноги, чтобы занимать как можно меньше места.

- Что они собираются делать? – негромко спросил он у Эрни.

- Брать почту, - не оборачиваясь, бросил трактирщик.

- Вчетвером? А как они туда попадут? Там крепкие двери, я видел. И решетки на окнах.

- Придумают что-нибудь. Их уже не четверо. Пока вы играли, подъехали еще двое, я видел. По-моему, один из них – Фрэнк Юдл. И мне кажется, он привез с собой кое-что, - Эрни захлопнул чугунную дверцу и добавил вполголоса: - Боюсь, что он привез динамит. Целый ящик динамита.

В проем двери заглянул Капрал. Поправляя шляпу, он приказал:

- Сидеть здесь. Не высовываться. Если не хотите неприятностей, будьте хорошими мальчиками.

Дверь захлопнулась. Что-то с грохотом упало за ней, и дверь вздрогнула, когда ее придавили с той стороны.

- У них мало времени, - сказал Эрни. – Если они взорвут почту динамитом, то грохот услышат в городе. Люди соберутся минут за двадцать, еще пятнадцать-двадцать минут понадобится, чтобы добраться сюда. Значит, Фрэнк должен уложиться в полчаса, чтобы уйти безнаказанно. Не волнуйся, Стивен, все будет хорошо. Ничего с нами не случится за эти полчаса.

- Почему почта здесь, а город - так далеко? - спросил Степан просто для того, чтобы показать: он спокоен и без увещеваний трактирщика.

- Поначалу думали, что город вырастет вокруг дороги. Здесь останавливались все фургоны, а потом люди спускались к реке. Днем работали внизу, ночевали наверху. Но по-

том все понемногу перебрались вниз, в ущелье. Там у всех были самые прибыльные участки. Тогда люди могли намыть золота на десять, а то и двадцать баксов в день. И никто не хотел терять время на дорогу к ночлегу. Вот они и стали строить дома там, где поначалу ставили только палатки. Потом на реке поставили лесопилку, многие стали строиться рядом, поближе к работе. Опять же – лесорубам сподручнее вырубать склоны снизу, так что и эти поселились внизу, в ущелье. А почта и мой трактир так и остались на большой дороге.

Эрни вытер лоб полотенцем и добавил:

- А теперь, как я погляжу, тут останется только мой трактир. Ты видел, что может натворить динамит? Фрэнк Юдл взорвал банк в Маршалле, это в соседнем округе. Кирпичная стенка рассыпалась, как одуванчик.

- Но ваша почта не кирпичная, - сказал Степан. – Я видел, это крепкий дом. Самая прочная конструкция – это бревенчатый сруб. Так что твой Юдл может засунуть весь свой динамит к себе в задницу.

Эрни поднял палец:

- Тише, Стивен. Слышишь?

За стенами трактира раздавались неясные возгласы. Потом хлопнуло несколько выстрелов.

- Началось, - сказал Эрни и достал карманные часы.- У нас есть полчаса для молитвы.

8. Полчаса молитвы, пять минут стрельбы

Степан не умел молиться ни на одном из известных ему языков, если не считать молитвой короткое «Иншалла!», которое он любил повторять, общаясь с арабами. Поэтому он просто говорил «аминь!» вместе с Эрни каждый раз, когда тот, после страстного бормотания, начинал креститься.

За стенами кухни тем временем разгорался нешуточный бой. Бревенчатые стены трактира приняли на себя несколько громких ударов, и после каждого из них Эрни начинал креститься еще быстрее и бормотать еще жарче.

- Неужели это пули так бьют? – удивился Степан.

- У «желтых жилетов» армейские «спрингфилды» пятидесятого калибра, - пояснил Эрни. – Эти винтовки прошивают бизона насквозь. Бревно им не пробить, но все равно неприятно такое слышать. Я ненавижу стрельбу. Ненавижу оружие. Ненавижу, когда сопливый мозгляк наводит ствол на крепкого бывалого мужчину, и у того от страха отнимаются руки и ноги.

Он поднес пальцы ко лбу, чтобы в очередной раз перекреститься, но тут пол под ногами дрогнул, кастрюли на плите подскочили со звоном, а со стены слетел портрет генерала Гранта. Упругий удар взрыва сотряс все здание.

- Господи, помилуй, Господи, помилуй, – повторял Эрни с закрытыми глазами.

- Как думаешь, смогли они выбить дверь? – спросил Степан, водворяя Гранта на прежнее место.

- Нас это не касается. Пусть делают свое дело и уходят поскорее.

- Я вот думаю, - говорил Степан, выстраивая кастрюли на плите в прежнем идеальном порядке, - ведь ящик динамита немалых денег, наверно, стоит, так? Сколько же Юдл рассчитывает взять у этих несчастных почтальонов, в такой глуши? Неужели он надеется окупить свои расходы?

- Ты думаешь, он покупал этот динамит? Ясное дело, взрывчатка краденая. А на почте, я полагаю, он хочет получить меха. Там, на нашей почте, у доктора Фарбера точка сбора. Все его трапперы сходятся сюда и оставляют шкуры под охраной «желтых жилетов».

- Так значит, профессор - просто скупщик мехов? А мне он говорил, что занимается геологией.

- Одно другому не мешает. Наверно, эта самая геология - дорогостоящее занятие, вот и приходится доктору Фарберу подрабатывать на бобрах. Ясное дело, ему это легче провернуть, чем нам с тобой. Его и здесь все знают, и в городах. Все ему доверяют, а доверие – самая выгодная вещь на свете. Без доверия нет бизнеса.

Трактирщик, рассуждая о бизнесе, немного успокоился и перестал вытирать пот со лба. Степану не хотелось возвра-

щать его к неприятной теме, но он все же сказал:

- Ты прав. Я вот доверился твоим гостям, отдал револьвер. Их бизнес очень выиграл от моей доверчивости.

- Очень хорошо, что ты отдал револьвер, - твердо сказал Эрни. – По крайней мере, теперь тебе не придется воевать с ними.

- Ну да. Не придется. И они будут спокойно делать свое дело. И спокойно увезут моих бобров, - сказал Степан, прекрасно понимая, что сейчас ему надо думать не о бобровых шкурах, а о своей собственной.

- Пусть увезут. Ты поймаешь новых.

- Видишь ли, Эрни, ведь эти шкуры – они не мои. Мне их только доверили на время. И дробовик тоже не мой. А ведь бандиты наверняка и его прихватят.

- Конечно, прихватят. «Паркер» - дорогое ружье.

- Вот видишь, - Степан оглядывал стены, на которых висела разнообразная утварь. - Значит, из-за этих бандитов я могу навсегда потерять доверие.

- Ты не виноват. Я всем скажу, что ты был без оружия.

- А это что, не оружие?

Степан Гончар снял с крючка массивный тесак с костяной рукояткой.

- Перестань, - сказал Эрни. – Надо трезво оценивать шансы. У них винтовки, а у тебя нож. Их там шестеро, а ты один.

- Нас двое.

- Я не в счет.

- Хорошо. Но я все равно не один. Ты забыл о «желтых жилетах». Слышишь? Еще стреляют. Значит, шансы не так уж и малы.

- Ты понимаешь, что тебя просто убьют? – спросил Эрни. – Ты согласен умереть из-за каких-то несчастных шкурок?

- Я уже видел, как умирают из-за них, - спокойно сказал Степан Гончар. – Ничего особенного.

Он еще не знал, каким образом сможет вмешаться в бой. Но был уверен, что эта драка не закончится, пока он не вмешается.

Дверь с грохотом распахнулась. Рыжебородый, стоя на пороге, навел на Степана винчестер и приказал:

- Хватай мешок! И пошел на выход!

- Какой мешок?

- Любой, только полный! Эрни, что у тебя тут в мешках?

- Сухофрукты. А этот – с фасолью.

- Вот и отлично! Схватили оба по мешку, и вперед! Живо!

За его спиной зазвенели разбитые стекла, и грянул выстрел.

- Что стоите! Ноги отнялись? Вперед!

Степан подхватил за углы холщовый мешок и поволок его к выходу. Он увидел, что Капрал стоит на одном колене перед разбитым окном и целится во двор из винтовки. Там, во дворе, плясали отсветы огня, а через дорогу виднелась почта – впрочем, ее почти не было видно за клубами дыма, над которыми вскидывались языки пламени. Капрал выстрелил,

передернул затвор и выстрелил снова. В ответ со стороны почты гулко грохнула винтовка, и в трактире взорвалась винная бутылка на буфетной витрине.

Пригибаясь и волоча тяжелый мешок по полу, усеянному соколками, Степан перебежал к выходу. У крыльца стоял фургон с брезентовым тентом. Задний борт был откинут, полог закатан кверху, а внутри сидел, держась рукой за бок, человек с очень бледным лицом.

- Кидай мешок в фургон и беги за другим! – заорал рыжебородый, подталкивая Степана стволом в спину.

От этого толчка у Гончара задрожали колени, и он едва не упал, пытаясь поднять мешок. Эрни оказался рядом и помог ему. Вдвоем они вернулись на кухню и вместе взялись за корзину с винными бутылками.

- Ничего, ничего, - шептал трактирщик, - они уже уезжают. Видно, ничего не получилось у них.

Когда, пригибаясь под влетающими пулями, они загрузили в фургон все запасы, хранившиеся на кухне, рыжебородый приказал:

- Эрни, тащи ром! А ты, моряк, кидай в фургон свои связки! Да пошевеливайся, пока пулю не получил!

Зал трактира заволакивало дымом. Кислый запах пороха смешивался с горечью пожара, от угара щипало глаза.

- Все! Достал я его! – удовлетворенно выкрикнул Капрал. – Остался один! Бьет из-за ставен, сукин сын!

- Может быть, попробуем забраться внутрь? – спросил его

рыжебородый. – Обидно уходить с пустыми руками!

- Фрэнку виднее, - ответил Капрал, встав у простенка и целясь в сторону почты. – Ну, где ты там, где притаился?

Эрни, прижав к животу деревянный бочонок, пробежал мимо Степана к выходу. Гончар наклонился над своими связками бобровых шкурок, поднял их с лавки – и тут руки сами собой нащупали оружейный пояс, который был припрятан под мехами.

И рыжебородый, и Капрал сейчас стояли спиной к нему, целясь из винчестеров в сторону почты.

Степан вдруг ощутил в ладони холодную шершавую рукоятку. Через миг он вытянул кольт из кобуры и отвел курок.

Держа револьвер обеими руками, он навел его на спину рыжебородого. Тот не оборачивался.

«Стреляй!» - приказал себе Степан Гончар. Но палец никак не мог надавить на гладкую дужку спускового крючка.

Рыжебородый выстрелил из винчестера и опустил ствол, вглядываясь в дым из-под руки. Потом обернулся к Степану и спросил:

- Все закинул?

- Все, - ответил Гончар, и кольт подпрыгнул в его руке, выбросив целое облако дыма.

Он снова и снова жал на тугой спуск, и Капрал вскрикнул от боли, а потом повалился на пол поперек рыжебородого.

Степан отбежал назад, перемахнул через стойку и навел револьвер на входную дверь. Как только там показался Эрни,

Степан свистнул ему и показал рукой в угол. Трактирщик все понял без слов. Он присел на корточки и замер в углу за лавкой.

На пороге выросла фигура человека в длинном плаще, и Степан выстрелил, целясь в пояс. Он уже знал, что кольт при стрельбе подбрасывает кверху, и пули могли пройти над головой противника. Два выстрела, и после третьего нажатия на спуск – пустой щелчок.

Выхватив второй кольт из-за пояса, Степан кинулся к двери и присел перед ней. Осторожно выглянул наружу. В дыму перед почтой метались две неясные фигуры.

Степан на четвереньках перебрался на крыльцо и по ступенькам сполз на снег. Двое бандитов стояли перед горящей почтой. До них было шагов пятнадцать.

Гончар вытянулся на снегу, широко раскинул ноги, опершись локтями и прицелился, словно на обычном армейском стрельбище готовился выполнить стрелковое упражнение с АКМ.

- Зайди, посмотри, как там? – кричал один бандит другому, подталкивая револьвером в спину. – Там же нет огня, один дым!

- Бесполезно, Фрэнки, бесполезно!

Они стояли рядом, и Степану не пришлось менять позицию, чтобы уверенно поразить обе цели. Только чуть повел стволом влево после первого выстрела.

«Фургон!» Судорога пробежала между лопатками, как

только Степан понял, что, возможно, в эту самую секунду ему в спину кто-то целится. Он перекатился в сторону, вытянув руки над головой, и оказался за каким-то ящиком. Прячась за ним, поднял голову и выставил вперед револьвер, отыскивая взглядом силуэт фургона. Но у трактира было пусто. Там, где только что стоял фургон, кружили на ветру хлопья пепла. А из темноты доносился частый перестук копыт и затихающее громыхание фургона.

- Стиви! – раздался с крыльца высокий голос трактирщика. – Все кончено, Стиви! Не осталось никого! Стиви, ты в порядке?

- Все нормально, - крикнул Степан и повернулся к почте: - Эй, «желтые жилеты»! Не стреляйте, мы всех перебили!

Но из горящего здания никто не ответил.

Он осторожно приподнялся на одно колено и заглянул в полуоткрытый ящик. В следующий миг Степан уже был на крыльце и, стуча зубами, показывал трясущимся пальцем, пытаясь объяснить Эрни, что в ящике – динамит, и к нему лучше не приближаться, и очень плохо, что ящик находится так близко от горящего здания почты.

- Спокойно, Стиви, спокойно, - говорил трактирщик, стиснув его плечо. – Все кончено. Ты уложил всех. Один перебил целую шайку. Никто не поверит, если такое расскажешь. Но у тебя есть свидетель, тебе крупно повезло.

Степан сбросил его руку и подбежал к ящику. Отнес подальше, шагая в глубоком снегу и держа смертельный груз на

вытянутых руках. Утопив ящик в сугробе, Гончар вернулся к почте и крикнул:

- Эрни, давай вытащим парней! Сгорят ведь!

Но трактирщик уже бежал к нему, с головой укрывшись мокрым плащом. В руках Эрни держал длинный топор. Он встал у горящей двери и в два удара выбил ее, а потом скрылся в огненном кольце и дыму.

Степан сообразил, что вдвоем они справятся быстрее. Он стянул плащ с убитого, лежавшего на пороге трактира, окунул его в бочку с водой и накинул поверх своей куртки.

Внутри почты потрескивали стены, в темноте колыхались полосы дыма. Вот показалась блестящая лысина Эрни. Степан кинулся к нему, и вдвоем они выволокли на снег раненого. Потом, не сговариваясь, снова кинулись в дым и огонь. Второй телеграфист был мертв. Его лицо было залито кровью, черная рубашка изорвана в лохмотья, а руки оказались просто ледяными, когда Степан схватился за них.

- Меха! – закричал Эрни, возвращаясь в горящий дом.

- Черт с ними! – крикнул вдогонку Степан, но почему-то не остался на месте, а побежал следом за неугомонным трактирщиком.

Они вынесли все, что смогли, и сидели на снегу, глядя, как разгорается почта. Вот, наконец, начала рушиться кровля, и красный дым вскинулся к черным небесам.

Эрни посмотрел на карманные часы:

- Странно. Неужели прошло только полчаса? Мне кажет-

ся, что мы носимся тут всю ночь… Но где же наши?

9. Подробности – не для песен

Прошло еще полчаса, и еще час. Эрни все поглядывал на часы и не переставал удивляться тому, что из города до сих пор не пришла подмога.

За это время они успели перевязать раненого телеграфиста, прибрать в трактире и перенести к дороге убитых. Пять трупов лежали на снегу, освещаемые огнем догорающей почты.

Эрни завалил Степана оружием и патронташами.

- Тебе надо быть готовым ко всякому, - говорил он. – Тот парень, что уехал на фургоне, может вернуться с остальными ребятами из шайки Фрэнка. Вдруг они околачиваются где-то неподалеку? Так что перезарядись и будь начеку.

Степан вертел в руках разряженный кольт. Вытянул патрон из пояса, но тут же и обронил, потому что дрожащие пальцы не удержали скользкую латунь.

- Сядь, покури, - сказал Эрни. – Тебя трясет, как индейского шамана. Я все сделаю сам, а ты остынь немного.

Он и в самом деле все сделал сам. Сам раскурил сигару и передал ее Степану. Сам взялся за револьверы, и Степан постарался запомнить все манипуляции – вот так выталкиваются гильзы, вот так откидывается заслонка на барабане, вот так вставляются патроны…

- Одну дырку я оставлю пустой, - сказал Эрни. – Она будет под курком. Так спокойнее. Бывает, что револьвер падает на пол, и случайный выстрел уносит чью-то жизнь. Может, ты предпочитаешь полный барабан?

Степан отрицательно помотал головой.

- Ну вот, теперь мы можем держать круговую оборону, - говорил Эрни, расставляя у каждого окна винчестеры бандитов. – Пусть только сунутся. Что тебе дать, дробовик? Гарри Хук будет хвастаться, что из его ружья перебили целую шайку. Но ему никто не поверит. Потому что уже через неделю вся Небраска будет знать, как ты расправился с командой Юдла. Как ты расстрелял бандитов из кольта, прикрываясь ящиком с динамитом. А через две недели о тебе уже будут петь песни у костров на всей Орегонской тропе. И компания «Уэллс-Фарго» попытается нанять тебя в охрану дилижансов, чтобы примазаться к твоей славе.

- Какая там слава? – поморщился Степан Гончар. – Ты же все видел. Я стрелял в спину. Они даже не поняли, от чего погибли.

- А ты думаешь, что все знаменитые стрелки побеждали в честной дуэли? Ясное дело, они тоже стреляли в спину. Из-за угла, из-под карточного стола прямо во время игры! Но эти подробности – не для песен. Поверь, Стиви, любая слава вырастает из грязи, но все равно остается чистой. И я всю жизнь буду гордиться, что в эти минуты был рядом с тобой.

Раненый телеграфист пришел в себя и попросил пить.

- Что с Патриком? – спросил он.

- Убит, - ответил Эрни и снова наполнил кружку. – Пей, ты надышался дымом, тебе надо промыть кровь. Пей еще.

- Он остался там?

- Нет, конечно, нет! Мы вытащили его.

- Хорошо. Сейф?

- Не успели. Да что ему будет, ведь он железный, - успокоил раненого Эрни. – Зато мы спасли все ваши журналы телеграмм.

- Они того не стоили. Меха Фарбера?

- Вытащили.

- Фрэнк?

- Можешь полюбоваться, - трактирщик показал пальцем на окно. – Его тушка лежит на снегу. И вся его компания стынет рядом. Хочу их как следует проморозить. Им придется полежать тут до завтрашнего вечера. Пусть всякий, кто будет ехать мимо, увидит их. Пусть все знают, как тут у нас учат хорошим манерам.

- Я свалил одного, это точно, - сказал телеграфист. – Когда они начали ломиться в дверь. Остальные разбежались. Спрятались у тебя. Мы с Патриком могли бы продержаться. Если бы не динамит. Постой, Эрни… Ты же не берешь в руки оружие… Как ты мог убить Фрэнка?

- Это сделал Стивен. Знакомься, - гордо произнес трактирщик, - мой друг Стивен Питерс, лучший стрелок Восточного побережья.

Телеграфист повернул голову к Степану и, помедлив, протянул ему руку. Гончар пожал вялую потную ладонь и сказал:

- Никакой я не стрелок. А вот вы их здорово зажали тут. Они головы не могли поднять.

- Я Мэтью Джонсон, - слабеющим голосом проговорил телеграфист. – Это ты сегодня приходил? С бобрами Фарбера? Точно, ты. Я не пустил тебя в дом. Мне жаль, что так вышло, Стивен.

- Все нормально, - Гончар высвободил ладонь и положил руку раненого поверх другой руки на грудь. – Если бы я сидел с вами, так бы и сгорели все вместе.

- Как холодно, - пожаловался раненый. – В животе все горит, а руки и ноги замерзли.

- Сейчас согреешься, Мэт, сейчас, - трактирщик бережно обложил его связками шкур. – Скоро придет доктор, он вытащит пулю. У тебя пуля в боку, и еще две дырки в плече, но это ерунда для такого крепкого парня, как ты, верно? Но где же шериф? Пора бы ему посмотреть, что тут делается!

- Должна подъехать ремонтная бригада, - сказал телеграфист. – Провода оборваны. По линии уже идут. Если только они не решили дождаться утра. Эрни, расскажи им, как мы держались.

- Сам расскажешь.

Раненый зажмурился и внезапно выгнулся всем телом, ударив ладонями по полу. А потом безвольно склонил голову набок и затих.

Трактирщик перекрестился и подтянул бобровую шкуру повыше, закрывая лицо покойника.

Степан Гончар отошел к окну. Последнее рукопожатие умирающего до сих пор обжигало ладонь, и ему до одури хотелось вымыть руки. Умывальник в углу зала оказался пробитым, и лужа под ним уже затянулась ледяной коркой. Степан скинул свою тяжелую куртку, стянул свитер вместе с майкой и, голый по пояс, вышел на крыльцо.

Задняя стена трактира до самых окон была занесена чистым снегом. Гончар зачерпнул его ладонями и размазал по груди.

Он обтирался колючим снегом, не чувствуя холода. Наоборот, ему становилось все жарче. Хотелось раздеться догола и с головой зарыться в этом сугробе.

«В баньку бы сейчас», - с тоской подумал Степан, с болезненной ясностью представляя, что уже никогда ему не сидеть в любимой парилке, не пить любимое пиво с друзьями, не гонять на любимой машине по ночным дорогам… Его мир исчез, провалился в черную дыру. Что осталось? Осталась лесная глушь, где люди гибнут с такой же легкостью, с какой ломается тонкий лед под каблуком.

Только что ты сидел за одним столом с незнакомцами, и вот они уже лежат на снегу, мертвые, и убил их – ты. Не прошло еще и суток, а ты увидел столько смертей, сколько не видел за все прошедшие годы. Не жизнь, а мясорубка.

«Стоп. Не ныть, - приказал он себе. - Мясорубка? Значит,

не надо совать в нее пальцы, а надо крутить ручку. Кто-то умирает, кто-то остается жить. Раз меня до сих пор не прибили, значит, буду жить и дальше. Не может же эта война длиться непрерывно».

До него донесся голос трактирщика:

- Да вот он, здесь! Стиви, тебя ищут!

Эрни держал над головой керосиновую лампу, и в ее свете Степан увидел тонкую фигурку девушки.

- Саби? – вспомнил он. – Мы тебя напугали, да? Не бойся, все кончилось.

- Надо поставить лошадей в конюшню, - сказала она спокойно. – Это твои лошади, Стивен. Ты теперь должен заботиться о них.

- Вот я сейчас все брошу и начну о них заботиться, - Степан прошел мимо нее на крыльцо и поднял с порога свой свитер.

- Я все сделаю сам! – заверил его Эрни. – А вы, леди, перебирайтесь с детишками наверх. Ваша комната угловая, там тепло, и там широкая кровать. Я пристрою лошадей и займусь ужином.

Трактирщик остановился, озадаченно хмыкнув.

- Ужином? Черт бы побрал этих проходимцев. Да ведь они увезли наш ужин, не говоря уже о завтраке и обеде. Чем же мне вас кормить?

- У нас есть мясо, - сказала Саби. – Я приготовлю.

- Вот видишь, Стиви, как хорошо иметь такую хозяйку!

Мы займемся своими делами, а ты – своими. Не мне тебя учить. Но я бы стрелял по каждому, кто сейчас попробует к нам сунуться. Если шериф не примчался за полчаса, значит, у него там что-то стряслось. Значит, нам надо рассчитывать только на себя. И подмога не придет.

- Обойдемся без подмоги, - сказал Степан Гончар, застегивая патронташ поверх свитера. – Саби, как дети?

- Спрятались за тюками с сеном. Но к нам пули не залетали.

- Перебирайся в наш номер, – приказал Степан. – Сейчас нам надо держаться вместе.

Она подчинилась беспрекословно. И Гончар понял, что никогда больше не услышит от нее возражений.

Чтобы замариновать медвежатину, Эрни достал из погреба бутылку настоящего вина. Вторую бутыль он предложил Степану, но Гончар решительно отказался, попросив заварить кофе покрепче. Он не собирался спать этой ночью.

Если Фрэнк Юдл и в самом деле был опытным воякой, то он ни за что не пошел бы на штурм почты без подготовки. И все признаки такой подготовки Степану были видны. К примеру, бандиты заранее пустили слух о своих намерениях. В результате все те, кто мог бы помешать их действиям, предпочли убраться от греха подальше. При этом, правда, был утрачен фактор внезапности, и почтари приготовились к возможной осаде – ну и что, долго ли они продержались? А на дороге между почтовой станцией и городом Юдл

наверняка выставил засаду. И как только горожане во главе с шерифом сунулись посмотреть, что это так громко взрывается и красиво горит, их любопытство остыло, наткнувшись на заградительный огонь. Шериф, наверно, честно получает свои деньги за то, что защищает закон. Но закон действует только в светлое время суток. А в ночные рейды против банды головорезов должны ходить не законники, а военные. Следовательно, жители Эшфорда обязательно придут на выручку почтарям, но только после восхода солнца.

Сколько бойцов было у Юдла? Наверно, не меньше десятка. Пятеро уже здесь. Двое, Сиплый и Гомес – на стоянке оттава. Где же остальные? Остальные, узнав о гибели вожака, могут посетить поле боя. Нет, мстить за горячо любимого босса они не собираются. Но вот вернуть себе то, что хранилось в карманах Юдла – ради такого стоит рискнуть. Тем более, что свидетель битвы при трактире, укативший в фургоне, должен был заметить, что здесь не так много защитников.

Но, с другой стороны, а не проще ли им спокойно смыться в свою Дакоту, потратив остаток ночи на дорогу, а не на новый штурм?

Что они выберут?

«Экспедиторской компании «Золотой Бобер» требуется хороший знаток бандитской психологии, - подумал Степан Гончар. – Требования к кандидату: мужчина от 20 до 50 лет, со своим комплектом боеприпасов».

Наблюдательный пост Степан устроил на втором этаже,

над крыльцом. Через узкое окно ему были хорошо видны все подходы к трактиру. Полная луна освещала заснеженное поле и дорогу, уходящую от леса за холм. Не прошло и часа, как из леса показались две темные точки. Зигзагом, с остановками, они осторожно приближались к пожарищу. Это были волки. Видимо, их притягивал запах крови, но дым и проблески огня заставляли волков держаться на расстоянии.

Степан взялся за винчестер, положил ствол на подоконник и выстрелил, даже не надеясь попасть. Волки разом повернули и унеслись в сторону леса. Они скользили над снегом, словно две бесплотные тени.

- Кого-то увидел? – спросил Эрни, поднявшись к нему с кофейником и кружкой.

- Волки.

- Пусть ищут поживу в другом месте, - сказал трактирщик. – Твоя хозяйка сказала, что ты убил медведя. Тебе сегодня везет на охоте, как я погляжу. Можем завтра сходить с тобой за тушей, чтобы не пропала. Медвежатину можно очень вкусно приготовить. Я бы заплатил, сколько запросишь.

- Утром разберемся.

- Свежее мясо, тепло и покой, вот что нужно сейчас твоей хозяйке. Она болеет. И дети могут заболеть. На нашего врача не надейся, - предупредил Эрни. – Он может только вынимать пули, да дергать зубы, и то с помощью трех-четырех верзил, которые придерживают больного. А с болезнями ему не сладить. Да и не возьмется он лечить краснокожих.

Извини, но уж так их тут называют, всех этих оттава, оджибвеев да сиу.

Степан кивнул, как бы принимая извинения.

- Стиви, это, конечно, не мое дело, - замялся трактирщик. – Но мы с твоей хозяйкой посмотрели, что там в сумках у этих парней. Все-таки они нанесли мне ущерб, одни только стекла обойдутся в полсотни долларов. Не говоря уже о моих припасах…

- Сколько тебе надо? – спросил Гончар, прерывая затянувшееся предисловие.

- У них деньги и песок. Золото, конечно, краденое, я с ним даже не хочу связываться. Хотя и можно отложить на черный день. А деньги – с долларами как-то проще разобраться. Так вот, мы выгребли тринадцать тысяч в золотых и серебряных монетах. И восемь тысяч бумажками.

- Сколько тебе надо? – повторил Степан.

- Ну, я полагаю, что тысячи хватит на ремонт трактира и закупку новых припасов. Но я могу уложиться и в половину суммы. Только надо бы еще выделить сотню долларов нашему гробовщику, чтобы он похоронил всех. Сам понимаешь, у него будет много работы, а земля сейчас твердая…

- Значит, полторы тысячи тебе хватит?

- Вполне.

- Считай, что эти деньги у тебя.

- Договорились, - облегченно выдохнул трактирщик, которому с большим трудом дался этот разговор.

- Посиди тут, - попросил Степан. – Я хочу посмотреть, как мой выводок устроился.

- Я могу сидеть до утра, - сказал Эрни. – А ты отдохни. У тебя был тяжелый день.

- Был? Этот день еще не кончился, - сказал Степан Гончар.

10. Человек из Ущелья Туманов

Саби сидела на полу, при свете керосиновой лампы ловко разрезая ножом на ровные куски одно из трофейных одеял. Наконец-то Степан смог как следует разглядеть ее.

Две пряди черных ровных волос огибали круглое лицо и смыкались в замысловатый узел на длинной шее. Когда Саби наклонялась, позвонки проступали бугорками, натягивая тонкую кожу, и Степану хотелось укрыть эту детскую шейку чем-нибудь теплым и пушистым. Над карими глазами ровными полумесяцами изгибались тонкие брови. Чистый открытый лоб без единой морщинки. Короткий вздернутый нос. Высокие скулы, а под ними – впалые, рано увядшие щеки.

«Сколько же ей лет? - подумал он. - По виду – совсем девчонка, и восемнадцати не дашь. Но она уже вдова, и вот они, сопят в углу, двое ее малышей».

Постель на высокой кровати осталась нетронутой, потому что Саби устроила для детей лежанку на полу, расстелив несколько одеял.

- Что ты делаешь? – спросил он, садясь на пол рядом с ней.
- Плащ.
- Из одеяла? Для детей?
- Для тебя.

- У меня есть куртка.

- Но у тебя нет плаща. Тебе будет хорошо в таком плаще. Это хорошее одеяло, английская шерсть. Такой плащ хорошо согревает, даже когда намокнет. Он быстро сохнет на солнце, или у огня, или просто от тепла твоего тела. Одеяло лучше, чем шкура бизона. Мы все ходим в такой одежде.

Степан вспомнил, что и Саби, и ее дети, и ее погибший брат – все они носили длинные плащи с капюшоном, и у Ке Шау Тина плащ был отделан какими-то полосками по низу. Теперь он сообразил, откуда взялись те полоски. Да на любом фабричном одеяле есть такие же!

- Тебе лучше бы лечь и заснуть, - сказал он. – Я не пропаду без плаща.

- Хорошо, я лягу спать. Но могу я хотя бы раскроить одеяла? А шить буду уже утром. Можно?

- Ну, ладно, - разрешил он. – Разрежешь – и спать.

- Почему ты не ложишься? – спросила она. – Не могу лечь, пока ты не спишь.

- Я жду гостей.

- Они не придут, - уверенно сказала она, накладывая один лоскут на другой. – Дай руку.

Он протянул руку, и она приложила лоскут к его плечу, натянув другой конец до запястья.

- Как раз. Сделать бахрому на рукавах?

- Не надо. А почему ты думаешь, что они не придут?

- Белые не ходят ночью. Они не видят в темноте, и они

боятся ночных духов. Все боятся ночных духов, даже сиу. Стивен, почему ты не хочешь бахрому на рукавах? Это будет красивая бахрома, и очень удобная. Она закроет твои ладони от комаров.

- Ладно, делай, как тебе нравится. Только напрасно ты так о белых людях. Я вот не боюсь ходить ночью.

- Ты другой. Ты похож на людей из ущелья туманов.

- На кого?

- Это сказка такая.

- Расскажи.

- Это длинная сказка. Придется говорить долго. Мужчины не любят долго слушать женщин.

- Но я же другой, - напомнил Степан. – И ты другая. Тебя я могу слушать долго. Мне нравится твой голос, и нравится, как ты говоришь. Рассказывай.

Она повернула к нему бесстрастное лицо и посмотрела прямо в глаза. «Были бы мы в другом месте и в другом времени, я бы мог и влюбиться в такую», - подумал Степан. Он вдруг почувствовал, что может делать с ней все, что захочет. Потому что сейчас он был ее хозяином.

- Не молчи, - попросил он. – Я жду сказку.

- Мне надо справиться с моим горлом, - проговорила она и, отвернувшись, закашлялась в рукав, и все ее хрупкое тело встряхивалось, как от невидимых ударов.

Саби вытерла губы лоскутком шерстяной ткани, и начала свой рассказ, не прекращая раскраивать одеяло. Степан

сидел напротив, обняв колени руками, и слушал медленную речь индианки, и ему казалось, что как только она остановится, все вокруг исчезнет…

За перевалом Вэйна, на северном склоне Красных гор, есть Ущелье Туманов. Ни один охотник, забредший туда в погоне за дичью, не вернулся. Ледяной туман окутывал его внезапно, набрасываясь, словно огромный рой белых ос – и человек исчезал на глазах перепуганных соплеменников. Там, в ущелье, находится вход в царство Хоймахи, Зимнего человека. Хоймаха – это сила, которая приносит холод и снег. Хоймаха приносит болезни, голод и смерть. Но он покоряется Женщине, которая живет с ним.

Волосы этой Женщины серые, но она никогда не состарится. Она родила первых людей на этой земле, и скрыла их от Хоймахи, отправив на юг. Она обещала им, что Солнце и Лето навсегда станут их друзьями. Там, где поселятся первые люди, все будет добрым. Там будет много птиц и зверей, там будут расти травы и деревья. Люди всегда будут молоды и никогда не состарятся, но у них не будет той силы, которая есть у Женщины. Потому что только Женщина может управлять Хоймахой, а люди перед ним беспомощны. И, повинуясь Хоймахе, Зима каждый год будет побеждать Солнце и прогонять людей с их земли.

Поэтому первые люди с каждым годом уходили все дальше и дальше на юг, смешиваясь с другими племенами. И по сей день сиу называют этих людей «*Ша-хи-ве-на*», «народ чу-

жой речи». А белые произносят это название по-своему, зовут первых людей шайенами.

Вход в царство Хоймахи находится в Ущелье туманов, но само царство – далеко-далеко, на земле, постоянно покрытой снегами и льдом. Скрываясь от злобной Зимы, первые люди долго шли на восток, к Солнцу. Через много лет пришли они к узкому проливу, который был скован льдом. Люди пошли по льду, как по мосту. Но когда они прошли половину пути, одна молодая женщина заметила длинный рог, выступающий из-подо льда.

Это был прекрасный рог, длинный и широкий. Из него можно было вырезать множество полезных и красивых вещей. Девушка обрадовалась находке и захотела вытянуть рог изо льда, но чем сильнее она тянула, тем глубже он уходил вниз. В отчаянии позвала девушка своих родственников. Подошли мужчины и попытались помочь ей, но и они оказались бессильны перед рогом, который так прочно примерз к ледяному покрову пролива.

И тогда девушка попросила обрезать его. И мужчины согласились, потому что любили эту девушку и хотели порадовать ее. Но как только их ножи врезались в рог, хлынула кровь.

Никто не успел и пошевелиться, как лед внезапно разломился, рог исчез, и на его месте пробежала огромная трещина. Она разрасталась со скоростью молнии, и многие люди утонули, свалившись в ледяную воду. Трещина разделила

племя первых людей. Одни вынуждены были вернуться на ту землю, откуда пришли. Другие, оставшиеся на солнечной стороне, долго смотрели вслед своим уходящим братьям, а затем, в горе и слезах, пошли дальше, навстречу Солнцу, и достигли земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.